ВОИНЪ ХРИСТОВЪ

По поводу стремленія народовъ къ миру и несовмѣстимости войны съ христіанскимъ ученіемъ.

Подполковника В. П. Гамулецкаго

Будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ.
(1 Петр. III, 15).

БРЯНСКЪ
Типографія А. Арцишевскаго
1896

ВОИНЪ ХРИСТОВЪ

По поводу стремленія народовъ къ миру и несовмѣстимости войны съ христіанскимъ ученіемъ.

Подполковника В. П. Гамулецкаго

Будьте всегда готовы всякому требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ. (1 Петр. III, 15).

БРЯНСКЪ
Типографія А. Арцишевскаго
1896

Дозволено цензурою. Москва, 9 октября 1894 года.

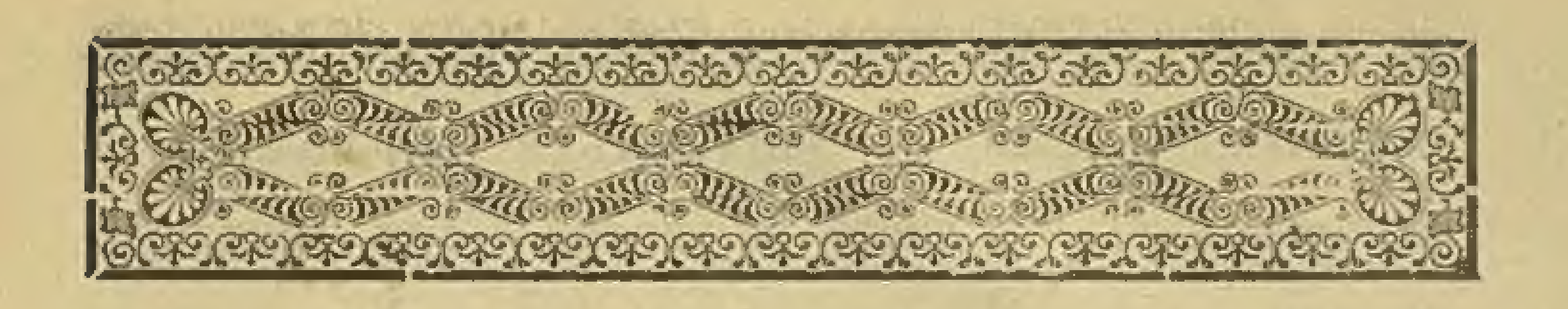

ПОСВЯЩАЕТСЯ

товарищамъ переправы черезъ р. Дунай

и

тяжелыхъ дней Шипки.

ВОИНЪ ХРИСТОВЪ

I

Нашъ вѣкъ, какъ и всякое время, имѣетъ свои особенности, съ которыми такъ или иначе приходится считаться Церкви Христовой, какъ въ лицѣ ея служителей, такъ и прочихъ членовъ. Требованія и запросы настоящаго времени стали въ такія неопредѣленныя и запутанныя отношенія къ требованіямъ и задачамъ Церкви, что часто въ нихъ трудно бываетъ разобраться. Такія жалобы можно слышать не только отъ обыкновенныхъ людей, но и отъ людей духовной науки и даже первоклассныхъ европейскихъ богослововъ. И это отъ того, что свѣтъ евангельской истины до такой степени искусно смѣшивается съ омрачающими умъ лжемудрованіями въ области науки и жизни, правда

до такой степени теряется среди утонченной замаскированной лжи въ частныхъ и оффиціальныхъ отношеніяхъ, что часто не знаешь—гдѣ кончается правда и гдѣ начинается ложь. Вѣра Христова до такой степени теряетъ свое живое назначеніе въ сердцахъ ея исповѣдниковъ, что въ иныхъ случаяхъ ее стараются обходить и игнорировать, въ другихъ—ею же, въ видахъ личной своей цѣли, умѣютъ съ замѣчательною тонкостью примирять принципы и убѣжденія, повидимому совершенно непримиримые и въ сущности съ вѣрою ничего общаго не имѣющіе.

Духъ міра, говоритъ одинъ изъ нашихъ православныхъ епископовъ, духъ эгоизма и повсемѣстной борьбы широкою волною вторгается въ ограду Церкви, отчего жизнь представляется какъ бы сумерками, когда идешь ощупью, неясно различаешь лица и предметы, встрѣчающіеся на пути, не знаешь, кто другъ и союзникъ, кто противникъ и врагъ, кто поборникъ истинныхъ интересовъ вѣры и Церкви и кто современный, болѣе цивилизованный и искусный Іуда предатель.

Въ такихъ сумеркахъ жизни, охватившихъ наше общество, къ числу наиболѣе трудныхъ вопро-

совъ, предлагаемыхъ Церкви современными ея врагами и доброжелателями, принадлежитъ между прочимъ и вопросъ о войнѣ, а отсюда уже о существованіи самой арміи.

Говорятъ, что соблазнъ войны настолько великъ, что Церкви для оправданія войны по необходимости приходится прибѣгать къ обходнымъ путямъ и изворотамъ, такъ какъ война въ существѣ своемъ противорѣчитъ не только истинамъ нравственнымъ, но и догматическимъ. Говорятъ, что война есть насиліе надъ совѣстью человѣка, и какъ таковое подлежитъ искорененію, какъ остатокъ временъ варварскихъ и нынѣ уже отжившихъ традицій. Война, говорятъ наши мудрецы, есть нравственная гангрена, проникающая собою весь общественно-политическій строй жизни. Говорить о войнѣ—значитъ говорить о всякомъ злѣ, потому что нѣтъ на землѣ зла, котораго не причинила бы война.

II

Для уничтоженія войны и для достиженія всеобщаго европейскаго мира французскій писатель Пеи намѣчаетъ два конкретныхъ пункта, осуществленіе которыхъ должно составить прямую его цѣль: введеніе международнаго кодекса и международнаго суда.* Только при этихъ условіяхъ возможна настоящая международная юрисдикція, гдѣ справедливость значительно замѣнитъ политику во взаимныхъ сношеніяхъ народовъ.

Надъ составленіемъ кодекса долженъ работать постоянный комитетъ, составленный изъ юристовъ, публицистовъ и дипломатовъ. Онъ заботится о привлеченіи къ этой работѣ всѣхъ силъ, содѣйствіе которыхъ найдетъ для себя полезнымъ. Съ этою цѣлью онъ обратится къ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ и особенно къ институту международнаго права. Но не менѣе цѣнны

* По неимѣнію подъ руками подлинной книги г. Пеи, цитируемъ ее по сочиненію графа Камаровскаго: «О стремленіяхъ народовъ къ миру». Русская Мысль: 1888, Кн. VII.

были бы для него и указанія юридическихъ факультетовъ университетовъ. Относительно самой работы авторъ полагаетъ, что нужно какъ можно менѣе мѣнять существующіе трактаты и законы, и стремиться лишь къ приспособленію ихъ нормъ къ новымъ условіямъ міра. Проектъ кодекса поступаетъ на разсмотрѣніе правительствъ и утверждается затѣмъ судомъ.

Переходя къ суду, Пеи говоритъ, что не столько важенъ вопросъ объ его устройствѣ, сколько о томъ, чтобы онъ былъ признанъ и приступилъ къ дѣйствію. Каждое государство избираетъ въ него извѣстное число членовъ, смотря по своему значенію, а послѣднее опредѣляется внѣшнею торговлею, бюджетомъ и числомъ жителей каждой страны. Такимъ образомъ Пеи насчитываетъ 46 государствъ, которыя избираютъ 112 судей, располагающихъ 942 голосами.

Дѣйствіе этого суда графъ Камаровскій считаетъ необходимымъ на долгое время ограничить одною Европой и развѣ Америкой, причемъ отправляться должно не отъ политическаго неравенства государствъ, а отъ принципа ихъ *юридическаго*

*равенства.** Самый способъ назначенія судей разнообразится по политическому строю государствъ и производится либо государями, либо палатами, либо народными собраніями.

Засѣданія суда непубличны, но во всеобщее свѣдѣніе печатаются протоколы его засѣданій и его рѣшенія. Послѣднія принимаются по большинству голосовъ. Судъ вѣдаетъ одни международныя дѣла и ни въ какіе внутренніе вопросы государствъ не вмѣшивается. По собственному почину судъ не приступаетъ къ разбирательству, а лишь по ходатайству заинтересованныхъ правительствъ, которыя не лишаются возможности кончить свой споръ полюбовно. Судьи получаютъ содержаніе изъ общей кассы, составленной изъ взносовъ всѣхъ участвующихъ въ этомъ дѣлѣ народовъ и представляющихъ незначительный налогъ, сравнительно съ современными военными бюджетами.

Судьи назначаются пожизненно. Къ этой должности не допускаются: главы государствъ, члены царствующихъ домовъ, министры, депутаты пред-

* «О международномъ судѣ». Русская Мысль, 1881 года.

ставительныхъ собраній. Они пользуются неприкосновенностью и неответственны за мнѣнія, высказанныя ими въ средѣ суда. Лишь судъ можетъ привлечь ихъ къ отвѣтственности, въ случаѣ правонарушеній съ ихъ стороны.

Судъ примѣняетъ къ разбираемымъ имъ дѣламъ, смотря по роду ихъ, нормы или международнаго кодекса, или національныхъ, для сторонъ, законовъ. Онъ не пользуется никакою принудительною властью, но довольствуется честнымъ словомъ правительствъ, которыя, обращаясь къ нему, обязываются наперёдъ повиноваться его рѣшеніямъ. Послѣднія, по существу, будутъ внушать довѣріе, ибо изданныя сообразно съ закономъ, они не будутъ продуктомъ политическихъ происковъ или дипломатическихъ компромиссовъ, но, въ крайнемъ случаѣ, непослушный приговору суда объявляется внѣ всякаго общенія и съ нимъ прекращаютъ сношенія всѣ другіе народы. Эта санкція не могла бы не имѣть для него внушительнаго нравственнаго и самаго тяжкаго практическаго дѣйствія.

Народы, говоритъ Пен, обладаютъ несомнѣннымъ правомъ добровольно установить между собою

судъ, а при теперешнихъ обстоятельствахъ они даже къ этому обязаны. Чѣмъ далѣе развивается наша цивилизація, тѣмъ болѣе война становится къ ней въ самое вопіющее противорѣчіе. Войною не оканчиваются споры между народами, но ею нараждаются лишь новыя несогласія и ненависть. Подчиняясь добровольно признаннымъ надъ собою суду и законамъ, народы не отказались бы отъ принадлежащей имъ свободы и не поступились бы своимъ національнымъ достоинствомъ. *Свобода* для человѣка въ юридическомъ смыслѣ обозначаетъ жизнь подъ сѣнію законовъ, возможно обезпеченную отъ посягательствъ даже сильнѣйшихъ властей на землѣ, а *достоинство* народовъ только возрастаетъ, если они, въ рѣшеніи своихъ споровъ, откажутся отъ варварскаго самоуправства и перейдутъ, наконецъ, къ *юстиціи,* для всѣхъ *равной* и ото всѣхъ заслуживающихъ *довѣрія.*

Послѣдствіемъ подобной реформы будетъ почти полное упраздненіе внѣшней политики и упраздненіе посольствъ. Достаточно будетъ удержать тогда однихъ консуловъ, какъ постоянныхъ представителей между государствами. Тогда можно

будетъ серьозно заняться разоруженіемъ, и мѣру эту для благосостоянія всѣхъ слѣдуетъ проводить постепенно, по общему соглашенію и сообразно укрѣпленію между государствами взаимнаго довѣрія. Въ области экономической можно будетъ ожидать уменьшенія налоговъ и долговъ свободы размѣна товаровъ и даже прекращенія таможенъ.

Въ интересахъ предлагаемой реформы рекомендуется самая разнообразная и настойчивая *пропаганда* и созданіе для нея денежныхъ средствъ. Пропаганда должна вестись во всѣхъ странахъ и обращаться ко всѣмъ слоямъ общества. Для этого слѣдуетъ устраивать чтенія, издавать брошюры и книги, объединять и направлять дѣйствіе существующихъ обществъ мира. Было бы весьма полезно основать постоянный печатный органъ: „*Международный Судъ*", который издавался бы на многихъ языкахъ и печаталъ бы все, относящееся до мира, войны, дипломатіи, и т. п. Со временемъ онъ превратился бы въ оффиціальный органъ суда, какъ учрежденія. Комитетъ, составленный для выработки кодекса, будетъ центромъ этой агитаціи. Комитетъ долженъ обращаться съ воззваніями

къ населенію и постараться воздѣйствовать на палаты. Можно надѣяться на живую поддержку со стороны духовенства безъ различія вѣроисповѣданій, ибо религія призвана проповѣдывать людямъ миръ и стараться объ облегченіи ихъ бѣдствій. Къ этой пропагандѣ особенно слѣдуетъ привлечь женщинъ, такъ какъ общество ихъ для освобожденія французской территоріи успѣло собрать въ 1872 году 20 мил. франковъ, а другое женское общество въ Америкѣ вспомоществованія больнымъ и раненымъ въ междоусобной войнѣ собрало до 400 мил. франковъ.

Финансовыя средства для этой пропаганды получились бы отъ добровольныхъ приношеній, которыя стали бы тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ болѣе и шире развивалась бы идея мира.

Миръ изъ мечты превратится въ реальность, когда къ достиженію его дружно направятся всѣ факторы общественной жизни: религія, школа, наука, печать. Общественное мнѣніе народовъ, въ этомъ пунктѣ единодушное, способно въ свою очередь оказать нужное давленіе на палаты и правительства. Всячески стремиться путемъ общихъ

переговоровъ къ устраненію главныхъ спорныхъ пунктовъ, постепенно проводить идею разоруженія, установленіе международной юрисдикціи посредствомъ третейской практики и введеніе суда и кодекса, наконецъ обращеніе къ болѣе умѣренной и здравой экономической политикѣ—такова великая программа мира, обязательная въ наши дни для каждаго европейскаго правительства.

Принимая ее и настойчиво стараясь объ ея осуществленіи, государства Европы всего успѣшнѣе предохранятъ себя отъ ужасовъ какъ внутреннихъ переворотовъ, такъ и внѣшнихъ войнъ, грозными тучами нависшихъ на ихъ небосклонѣ. Въ указываемыхъ реформахъ лежитъ, безспорно, ихъ высшій общечеловѣческій и, въ равной степени, національный долгъ.*

Какъ бы сильно ни желали мы всѣ укрѣпленія мира, скажемъ словами благороднаго англійскаго лорда Салисбюри, но условія для введенія третейскаго суда въ международной области для

* Графъ Камаровскій: О стремленіяхъ народовъ къ миру. Русская Мысль: 1888, кн. VII.

насъ теперь менѣе достижимы, чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Любовь къ миру не усилилась и шансы избѣжать войны не возрасли. Причина, почему правительства считаютъ предложенія, въ родѣ разсматриваемаго, непрактичными, заключается въ томъ, что осуществленіе ихъ предполагаетъ такое настроеніе умовъ въ населеніяхъ, которое, если-бы было въ дѣйствительности, сдѣлало бы совершенно излишними предлагаемыя реформы. Невозможно установить такой судъ, въ безпристрастіе котораго увѣровали бы всѣ народы. Гдѣ такая компетентная власть, которая для его дѣятельности начертала бы законы? Какая сила поддержала бы его рѣшенія? Очевидно, бытіе его было бы чисто номинальное, для одной формы. Намъ говорятъ, что правительство, недовольное рѣшеніемъ такого суда, не было бы лишено права прибѣгнуть къ войнѣ. Подобный исходъ, оттянувъ начало войны отъ возникновенія спора, далъ бы возможность государству менѣе готовому наверстать своего болѣе приготовленнаго противника. Когда же послѣдній согласится на такое искусственное парализованіе его силъ?

Въ заключеніе Салисбюри отвергъ даже существованіе международнаго права или „закона", по англійской терминологіи (International Law). „Право это не имѣетъ, по его словамъ, другаго основанія, кромѣ мнѣнія составителей различныхъ учебниковъ".

Къ будущности международнаго третейскаго суда, говоритъ профессоръ Мартенсъ, можно относиться съ двоякой точки зрѣнія, какъ способу рѣшенія международныхъ несогласій: съ точки зрѣнія благихъ пожеланій и съ точки зрѣнія существующаго порядка международныхъ отношеній. Никто не станетъ спорить, что было бы хорошо, еслибы споры между государствами разрѣшались не фактическими средствами и не войной, но третейскимъ судомъ. Но другой вопросъ, насколько при современныхъ отношеніяхъ между государствами позволительно считать это средство практическимъ или даже возможнымъ для рѣшенія всѣхъ международныхъ споровъ. Для будущности самого третейскаго суда необходимо избѣгать иллюзій въ этомъ вопросѣ. Дѣйствительность показываетъ,

что существуетъ множество такихъ споровъ и поводовъ къ международнымъ столкновеніямъ, выяснить которыя при помощи юридическаго анализа рѣшительно невозможно. Многіе изъ нихъ накоплялись втеченіи исторической жизни народовъ, и устранимы только силою и путемъ нарушенія существующаго порядка и права. Трудно предположить, чтобы стороны согласились отдать свой историческій споръ на рѣшеніе какого либо третейскаго трибунала, или чтобы этотъ послѣдній могъ отыскать какую либо юридическую почву для его разрѣшенія. Во всѣхъ международныхъ спорахъ, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ политическій элементъ— третейское разбирательство невозможно.*

III

Живописуемый проектъ европейскаго мира не есть какой либо исключительный, такъ какъ проектовъ мира было много и всѣ они сводились къ

* Г. Мартенсъ: Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. II, стр. 451,

рѣшенію споровъ между народами или третейскимъ судомъ, т.-е. вмѣшательствомъ третьяго народа, непричастнаго спору двухъ, или при помощи международнаго права, обязательнаго для всѣхъ европейскихъ народовъ безъ исключенія.

Но были также проекты, неподходящіе къ послѣднимъ двумъ. Такъ, величайшій полководецъ нашего времени, графъ Мольтке, еще въ 1868 году въ засѣданіи Сѣверогерманскаго рейхстага произнесъ такія слова: „Существуетъ одно средство упрочить *всеобщій миръ* (Weltfrieden): для этого необходимо создать въ сердцѣ Европы силу (eine Macht), которая была бы достаточно сильна, чтобы удержать отъ войны нашихъ сосѣдей.“ Къ созданію этой силы, необходимой будто бы для всеобщаго мира, и стремился великій полководецъ, вооружая поголовно всѣхъ нѣмцевъ и пробуждая въ нихъ врожденную тевтонскую воинственность.

Ко всеобщему желанному миру люди старались подходить разными путями. Такъ, извѣстная партія во главѣ съ Боклемъ видѣла главный и естественный факторъ мира прежде всего въ распространеніи просвѣщенія.

Другіе подходили путемъ литературнымъ, живописуя отрицательную сторону войны, таковы произведенія Л. Н. Толстого: „Рубка лѣса“ и „Набѣгъ“, и В. М. Гаршина: „Четыре дня“, „Трусъ“ и „Воспоминаніе рядоваго Иванова“, „Долой оружіе“, „Противъ войны“, Берты фонъ-Суттенеръ.

Третьи—произведеніями исключительно художественными, такова первая выставка картинъ Верещагина (1874 года), сюжетомъ для которыхъ послужили большею частью эпизоды изъ военныхъ дѣйствій въ Туркестанѣ, гдѣ передъ европейской публикою раскрылась оборотная сторона войны, и картины послѣдней Турецкой войны 1877—1878 годовъ.

Четвертые, какъ напримѣръ соціалисты, составили 27го іюля 1894 года четвертый „конгрессъ“ такъ называемой „мирной лиги“. На этомъ конгрессѣ делегаты разныхъ странъ по обыкновенію дерзко передѣлывали языкомъ весь существующій строй Европы, предавали сожженію, in effigie, капиталистовъ и капитализмъ, почеркомъ пера измѣняли политическую карту всего міра. Прожектовъ была

такая масса, что ставила втупикъ даже самихъ делегатовъ. Тутъ говорили и отъявленные негодяи и гешефтмахеры, сдѣлавшіе изъ соціализма доходную статью, и наивные утописты и наконецъ по просту дураки, которыхъ всюду и вездѣ непочатый уголъ. Разобрать все это, разумѣется, нѣтъ никакой возможности. Но нѣкоторыя постановленія Цюрихскаго международнаго съѣзда не лишены интереса. Такъ, по вопросу о томъ, какого образа дѣйствій должны держаться соціалисты въ случаѣ европейской войны, голландскіе депутаты представили резолюцію, сущность которой сводится къ слѣдующему: войны возникаютъ для охраненія интересовъ не народа, а его угнетателей, т.-е. капиталистовъ, для которыхъ война представляетъ средство подавить революціонное движеніе и продлить эксплуатацію пролетаріевъ. Война—это защита капитализма. Въ виду этого соціалисты должны сдѣлать войну невозможною: резервисты должны отказаться явиться подъ знамена, а рабочіе должны начать общую стачку. При этихъ условіяхъ война станетъ невозможною, ибо капиталисты разорятся, а у правительствъ не будетъ солдатъ для войны.

Вождь голландскихъ соціалистовъ Домела Ньевенгюйсъ разъяснилъ, что конечно за это ихъ будутъ арестовывать и сажать въ тюрьму; но если въ каждой деревушкѣ найдется хоть по десяти такихъ молодцовъ, то для ареста ихъ не хватитъ полиціи, а для заключенія недостанетъ тюремъ. Главною цѣлью соціалистовъ должно быть поставленіе всѣми мѣрами препятствій мобилизаціи. Этого надо достичь уничтоженіемъ по возможности всѣхъ путей сообщенія. Въ этомъ отношеніи большія услуги могутъ оказать служащіе на желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ. Пусть они разбиваютъ аппараты, портятъ машины.

Германскій депутатъ Либкнехтъ вышеприведенную программу дѣйствій не считаетъ возможной въ настоящее время, а потому предложилъ другія мѣры, по его мнѣнію, вполнѣ практичныя, именно проведеніе соціалистскаго духа въ казармы. Когда эта пропаганда принесетъ свои плоды, милитаризмъ будетъ парализованъ. Онъ потребовалъ также, чтобы Цюрихскій конгрессъ призналъ, что нѣмцы-соціалисты въ Германіи дѣлаютъ все возможное противъ милитаризма.*

* Московскія Вѣдомости 1893 года, № 218.

Какъ видитъ читатель, важность такихъ рѣшеній не подлежитъ сомнѣнію, и намъ, русскимъ, не слѣдуетъ упускать этого изъ виду, принятіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ, во первыхъ по охранѣ нашего народа отъ такихъ ученій, а во вторыхъ— какъ бы избавиться отъ присосавшагося и къ намъ нѣмецкаго солитера, который успѣлъ уже произвести мирное завоеваніе нашего Юго-Западнаго края, гдѣ нѣмцы колонисты занимаютъ почти всѣ земли, прилегающія къ стратегическимъ путямъ сообщенія, и гдѣ всѣ они будучи сконцентрированы расположились при различныхъ переправахъ, оцѣпивъ всѣ военно-транспортныя дороги и наиболѣе важные почтовые тракты. И кто же будетъ сомнѣваться въ томъ, что въ случаѣ войны нѣмецкія колоніи дадутъ непріятелю квартиры, провіантъ, лазутчиковъ, подводы, лошадей, солдатъ и т. п.

Намъ нужно поэтому заблаговременно очистить нашу западную границу отъ непріятельскаго авангарда.

Пятыю—критическимъ отношеніемъ къ войнѣ, какъ наприм. критикъ „Вѣстника Европы" К. К. Арсеньевъ, по словамъ котораго господствовавшій

еще недавно взглядъ на войну долго принимался на вѣру подъ давленіемъ преданія и привычки и который долженъ былъ поколебаться, какъ только въ область традиціи проникла и съ этой стороны критическая работа мысли. Освѣщенныя новымъ свѣтомъ, старыя картины получили совершенно другой видъ и совершенно иначе стали дѣйствовать на душу. Пошатнувшійся традиціонный взглядъ на войну подготовило и вызвало продолжительное умственное движеніе, обострившее впечатлительность, углубившее вдумчивость въ явленія жизни, поднявшее цѣнность человѣческой личности.*

Критики умственнаго движенія, подобные г. Арсеньеву, увлекательную сторону войны видятъ, и то временно, только въ массовомъ энтузіазмѣ, противъ котораго трудно устоять въ данную минуту самому убѣжденному приверженцу мира; и этотъ массовый энтузіазмъ, этотъ бурный приливъ инстинктивнаго и потому неотразимаго чувства, уничтожаетъ на время всѣ сомнѣнія, всѣ колебанія, всѣ мучительные вопросы, и гдѣ обыкновенно интеллигентный доброволецъ перестаетъ отличаться отъ

* Вѣстникъ Европы: 1888, кн. V, стр. 245.

мужика, только что разставшагося съ сохой, гдѣ всѣ сливаются въ одно цѣлое и находятъ успокоеніе и счастье въ сознаніи безотвѣтственности и въ довѣріи къ руководящей высшей силѣ. Но такое массовое настроеніе не можетъ быть продолжительнымъ, и всего короче оно у тѣхъ, кто привыкъ къ анализу и критикѣ.

Писатели подобные Арсеньеву и Гаршину не вѣрятъ, чтобы въ участникахъ войны и похода могла быть идея личная, идея долга общественнаго, служебнаго или государственнаго, а тѣмъ болѣе какія либо высшія духовныя побужденія, ради которыхъ человѣкъ могъ бы оправдать войну, помириться съ ея лишеніями и почерпать въ нихъ нравственную для себя крѣпость; они видятъ въ участникахъ войны одно только стадное свойство, одно массовое безсознательное настроеніе, которое устраняетъ въ людяхъ здравый смыслъ и разсужденіе.

Въ „Воспоминаніяхъ рядоваго Иванова“ описано именно такое состояніе.

Полкъ, въ которомъ служилъ Ивановъ, готовится пройти передъ Государемъ. Сначала Ивановъ идетъ спокойно, стараясь больше всего не сбиться

съ ноги, держать равненіе. Только взглянувъ на шедшаго рядомъ со мной Житкова, на его лицо, какъ и всегда суровое и мрачное, но взволнованное, я почувствовалъ, что и мнѣ передается часть общаго волненія, что сердце у меня забилось сильнѣе. И мнѣ вдругъ показалось, что отъ того, какъ посмотритъ на насъ Государь, зависитъ для насъ все. Когда мнѣ впослѣдствіи пришлось идти въ первый разъ подъ пули, я испыталъ чувство, близкое къ этому... Не помню улицъ, по которымъ мы шли, не помню, былъ ли народъ на этихъ улицахъ, помню только волненіе, охватившее душу, вмѣстѣ съ сознаніемъ страшной силы массы, къ которой принадлежалъ и которая увлекала тебя. Чувствовалось, что для этой массы нѣтъ ничего невозможнаго, что потокъ, съ которымъ вмѣстѣ я стремился, и котораго часть я составлялъ—не можетъ знать препятствій. И всякій думалъ, что тотъ, передъ которымъ проносился этотъ потокъ, можетъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки измѣнить его направленіе, вернуть назадъ или снова бросить на страшныя преграды, и всякій хотѣлъ найти въ словѣ этого одного и въ движеніи его руки *невѣдомое*,

что вело насъ на смерть. Все это явилось и исчезло, какъ освѣщенное на мгновеніе молніей, когда я, задыхаясь не отъ бѣга, а отъ нечеловѣческаго, яростнаго восторга, пробѣжалъ мимо него, поднявъ высоко винтовку одною рукой, другой махая надъ головой шапкой и крича оглушительное, но отъ общаго вопля неслышное самому мнѣ *ура!*...*

Въ другомъ своемъ произведеніи „Трусъ" Гаршинъ раскрываетъ глубокое различіе между взглядами на войну, существующими въ средѣ народа и въ средѣ интеллигенціи. Насколько сложенъ послѣдній, настолько элементаренъ первый. Оказывается, что Гаршинъ вмѣстѣ съ критикомъ Арсеньевымъ открыли истину, никому до нихъ неизвѣстную, именно, что народъ нашъ поднялся въ послѣднюю Русско-Турецкую войну 1877—1878 годовъ потому, что надо было бить турку, ибо онъ много крови пролилъ. И народъ захотѣлъ побить турку, но не столько за эту, неизвѣстно чью пролитую кровь, сколько за то, что онъ потревожилъ такое множество народа, что изъ-за него пришлось испытать трудный походъ, идти куда-то подъ пули

* В. М. Гаршинъ: Воспоминанія рядоваго Иванова.

и ядра. Турка въ глазахъ русскаго народа представляется бунтовщикомъ, зачинщикомъ, котораго нужно усмирить и покорить.

Такимъ образомъ за народомъ нашимъ писатели эти не признали войны во имя братства, любви и вѣры, а потому что надо было бить турку за то, *что онъ бунтуетъ* и *доставляетъ тѣмъ* народу *огорченіе,* тревожа его покой и заставляя его совершать трудный походъ и идти куда-то подъ пули и ядра. Другими словами, народъ здѣсь представляется раздраженнымъ „быдломъ", съ звѣрскими инстинктами отмщенія за чью-то, ему самому мало вѣдомую пролитую кровь.

Но такой взглядъ на послѣднюю войну, существовавшій въ арміи, не могъ бы имѣть прочной индуктивной подкладки, и, конечно, врядъ ли бы былъ возможенъ, еслибы солдатами командовали офицеры, выше ихъ развитые умственно и нравственно, поэтому Гаршину, чтобы не впасть въ противорѣчіе—необходимо было изобразить и такого же какъ солдаты офицера, и вотъ въ „Воспоминаніяхъ рядового Иванова" являются капитанъ Заикинъ и штабсъ-капитанъ Венцель, послѣдній

весь сотканный изъ контрастовъ, думающій по новому и дѣйствующій по старому, жестоко обращающійся съ своими солдатами и неутѣшно оплакивающій потери, понесенныя его ротой въ первой стычкѣ съ турками.

Штабсъ-капитанъ Венцель прежде всего видитъ въ своихъ солдатахъ „пушечное мясо“, и людьми онъ ихъ считаетъ только въ спеціально-военномъ смыслѣ этого слова. *Человѣкомъ* каждый изъ нихъ сдѣлался въ его глазахъ только тогда, когда легла въ бою цѣлая половина роты... Но этого мало. Описывая такихъ дѣятелей войны и военнаго сословія, Гаршинъ думаетъ нанести рѣшительный ударъ войнѣ, пробуждая въ читателѣ глубокогрустное чувство описаніемъ тяжелыхъ думъ раненаго воина, одного изъ героевъ „Четырехъ дней“, жалѣющаго не только о себѣ самомъ, но также и объ убитомъ имъ врагѣ, потому что вражда навѣянная извнѣ—исчезаетъ вмѣстѣ съ шумомъ и громомъ битвы.

„Кто онъ? Быть можетъ и у него, какъ у меня, есть старуха мать. Долго она будетъ по вечерамъ сидѣть у дверей своей убогой мазанки,

да поглядывать на далекій сѣверъ: не идетъ ли ея ненаглядный сынъ, ея работникъ и кормилецъ... Штыкъ вошелъ ему прямо въ сердце. Это сдѣлалъ я. Я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мысль о томъ, что и мнѣ придется убивать людей, какъ-то уходила отъ меня. Я представлялъ себѣ только, какъ я буду подставлять свою грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ... А этотъ несчастный феллахъ (на немъ египетскій мундиръ)—онъ виноватъ еще меньше. Прежде чѣмъ ихъ посадили, какъ сельдей въ бочку, на пароходъ, и повезли въ Константинополь, онъ и не слыхалъ ни о Россіи, ни о Болгаріи. Ему велѣли идти, онъ и пошелъ. Чѣмъ же онъ виноватъ? И чѣмъ виноватъ я, хотя я убилъ его?“

Мысль о страшномъ сосѣдѣ, прибавляетъ г. Арсеньевъ, не покидаетъ раненаго даже среди самыхъ ужасныхъ мученій. „Неужели я бросилъ все милое, дорогое, говоритъ раненый, шелъ сюда тысячеверстнымъ походомъ, голодалъ, холодалъ, мучился отъ зноя; неужели, наконецъ, я лежу теперь въ этихъ мукахъ только ради того, чтобы этотъ несчастный перестал жить?“...

Въ вышеописанномъ разсказѣ опущено все человѣческое и высокое ради чего велась послѣдняя Русско-Турецкая война; на войну авторъ смотритъ какъ на простое убійство, и притомъ убійство безсмысленное, что видно изъ того, что раненый даже не даетъ себѣ яснаго отчета изъ-за чего онъ бросилъ все милое и дорогое на родинѣ, голодалъ, холодалъ и мучился отъ зноя и, наконецъ, самъ лежитъ теперь въ мукахъ. Неужели для того, вопрошаетъ онъ, чтобы этотъ несчастный феллахъ пересталъ жить?

Въ разсказѣ, какъ видитъ читатель, либерализма непочатый уголъ, немало и „благородства души“, но нѣтъ только простой добросовѣстности...

IV

Наконецъ, есть шестые противники войны, выступающіе противъ нея не во имя какихъ либо человѣческихъ мудрованій, но во имя христіанскаго ученія, заставившаго однихъ совсѣмъ отторгнуться отъ Православной Церкви, а другихъ составить

свои секты, въ которыхъ ношеніе оружія последователямъ ихъ безусловно запрещается: таковы секты мормоновъ, штундистовъ, квакеровъ, гернгутеровъ, и т. п.

Вопросъ объ отношеніи Православной Церкви къ войнѣ послужилъ соблазномъ и для нашего знаменитаго писателя Льва Николаевича Толстаго, въ своей „Исповѣди“ также публично отрекшагося отъ Православія изъ-за того, что Церковь наша въ извѣстныхъ случаяхъ благословляетъ своихъ воиновъ на брань.

Когда началась послѣдняя Русско-Турецкая война, я ужаснулся, говоритъ графъ Толстой, когда русскіе стали во имя христіанской любви убивать своихъ братьевъ. Не думать объ этомъ было нельзя. Не видѣть, что убійство есть зло, противное самымъ первымъ основамъ всякой вѣры—также нельзя было. А между тѣмъ, въ церквахъ молились объ успѣхахъ нашего оружія, и учители вѣры признавали это убійство дѣломъ, вытекающимъ изъ вѣры. И не только эти убійства на войнѣ, но во время тѣхъ смутъ, которыя послѣдовали за войною, я видѣлъ членовъ Церкви, учителей ея, монаховъ,

схимниковъ, которые одобряли убійства заблудшихъ безпомощныхъ юношей. Я обратилъ вниманіе на все, что дѣлается людьми исповѣдывающими христіанство, и я увидѣлъ, что въ томъ знаніи вѣры, къ которому я присоединился—не все истина. Что въ ученіи есть истина, это для меня несомнѣнно, но несомнѣнно и то, что въ немъ есть и ложь, и я долженъ найти истину и ложь и отдѣлить первую отъ послѣдней.

И графъ Толстой дѣйствительно отдѣлилъ. Передѣлалъ по своему четыре каноническихъ евангелія, изъ которыхъ составилъ одно, пятое, Толстовское, отъ котораго содрогнулась вся вѣрующая и образованная Россія. Учитель „новой вѣры", отвергнувшись Церкви изъ-за войны, въ которой совершается вынужденное тѣлесное убійство, во имя той же христіанской любви передѣлываетъ четыре евангелія и такимъ образомъ совершаетъ надъ людьми не тѣлесное, а болѣе ужасное, „духовное убійство", отымая отъ нихъ ту подлинную „Книгу жизни", которую народъ неповрежденно хранитъ, видя въ ней смыслъ своей жизни и надъ которой вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ взываетъ: *Господи, къ*

Кому идемъ; глаголы живота вѣчнаго имаши (Іоан. VI, 68).

Мы нисколько не погрѣшимъ, а будемъ искренни, если скажемъ, что голоса, порицательно судящіе о Церкви и ученіи ея, завѣщанномъ ей апостолами, всегда раздаются не въ церкви, а внѣ ея, за оградою „двора овчаго“. И такіе люди, разорвавшіе всякую связь съ Церковью и создавшіе свою вѣру, что могутъ понять они и какъ могутъ быть компетентны въ ея дѣлѣ? Какъ могутъ быть компетентны въ разъясненіи сущности христіанской жизни люди, неимѣвшіе возможности, подобно графу Толстому, пріобщиться силѣ и духу ея даже въ величайшемъ таинствѣ Причащенія, о чемъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своей „Исповѣди?“

Никогда не забуду мучительнаго чувства, говоритъ онъ, испытаннаго мною въ тотъ день, когда я причащался въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ. Службы, исповѣдь, правила, все это было понятно мнѣ и производило во мнѣ радостное сознаніе того, что смыслъ жизни открывается мнѣ. Мнѣ такъ радостно было, унижаясь и смиряясь передъ духовникомъ, простымъ и робкимъ свя-

щенникомъ, выворачивать всю жизнь своей души, каясь въ своихъ порокахъ. Радостно было сливаться мыслями со смиреніемъ отцовъ, писавшихъ молитвы правилъ. Радостно было единеніе со всѣми вѣровавшими и вѣрующими. Но когда я подошелъ къ царскимъ дверямъ и священникъ заставилъ меня повторять извѣстныя слова, говорящія объ истинномъ Тѣлѣ и истинной Крови—меня рѣзнуло по сердцу.. Это было жестокимъ требованіемъ, и хотя я и пріобщился безъ кощунственныхъ чувствъ, однако ударъ былъ уже нанесенъ, и зная впередъ ожидавшее меня, я уже не могъ идти въ другой разъ.

И такой человѣкъ, чуждый главнаго таинства, рѣшается такъ смѣло и публично судить о Церкви Христовой, внутреннюю славу которой можно постичь только собственнымъ внутреннимъ опытомъ.

Когда Господь предложилъ ученіе о таинствѣ Тѣла и Крови, полагая въ немъ необходимое условіе общенія съ Собою, тогда *мнози отъ ученикъ его идоша вспять и ктому не ходяху съ Нимъ* (Іоан. VI, 66). Необычайно чудеснымъ показалось имъ такое дѣло безпредѣльной къ намъ

милости Божіей, и нерасположеніе къ чудесному отторгнуло ихъ отъ Господа. Господь видѣлъ это, и однакожъ, готовый быть распятымъ за спасеніе всякаго, не находилъ возможнымъ умалить или отмѣнить чудесное. Такъ, значить, таинство Тѣла и Крови необходимо въ экономіи нашего спасенія. Хотя, конечно, съ сожалѣніемъ, но оставилъ Онъ ихъ идти отъ Себя въ тьму невѣрія и пагубу, и не имъ только, но и избраннымъ двѣнадцати сказалъ по сему случаю: *еда и вы хощете ити*, изъявляя готовность и ихъ отпустить, если не склонится передъ страшнымъ Таинствомъ.

Графъ Толстой не склонился, и пошелъ по тому же пути, по которому пошли вспять и многіе изъ учениковъ Господа...

Для человѣка „имѣющаго очи видѣть", но не обладающаго особенною эрудиціей, вся „Исповѣдь" Льва Толстаго является сплошнымъ наборомъ фразъ. Для того же, кто знакомъ съ исторіей человѣческой мысли, это „profession de foi" есть глухое отраженіе стоической философіи добиться естественнымъ путемъ постиженія „смысла жизни". Но у графа Толстаго его стоическія идеи раство-

реньі въ его смѣломъ невѣжествѣ, которое такъ характеризуетъ общество нашего многоученаго вѣка. Мыслитель прошедшаго времени приступалъ къ трактованію важныхъ вопросовъ вѣры и философіи священнодѣйствуя, съ молитвою и съ душевнымъ трепетомъ. Графъ Толстой приступилъ, обоготворивши только свой умъ и отнесясь презрительно къ авторитетамъ, почему и вошелъ въ область вѣры или „народное святилище" съ безцеремонностью „культурнаго дикаря", гдѣ онъ потопталъ грязными ногами всѣ священныя стези его...

V

Противники войны, болѣе компетентные въ дѣлѣ вѣры, нежели графъ Толстой, желая озадачить Церковь, обыкновенно ставятъ ей такой удивительный вопросъ: *разрѣшается ли война христіанствомъ?*

Подобные вопрошатели, разумѣется, не понимаютъ что спрашиваютъ, потому что не знаютъ *каково они духа есть* (Лук. IV, 55).

Къ чему призвана Церковь? Она призвана жить въ мірѣ и не принадлежать міру, жить подобно Господу своему, странникомъ и крестоносцемъ, всегда помнить, что міръ для нея распятъ и осужденъ, не признавать силы его, пренебрегать гнѣвомъ и любовью его. Ей не должны быть милы мірская власть, почести, богатство, наслажденія и удобства жизни, она не должна предпочитать простому слову истины земную мудрость, человѣческое образованіе и ученость, должна собственнымъ свѣтомъ прогонять мракъ міра и подобно закваскѣ поднимать человѣчество *не воинствомъ и не силой, но Духомъ Божіимъ* (Зах. IV, 6).*

Въ своей вѣчной *цѣли*, Церковь должна преобразить грѣшное естество наше въ образъ святаго Христова человѣчества, дабы намъ быть въ совершенномъ единствѣ съ Нимъ, святостью взаимнаго общенія и цѣлостью тѣла, связуемаго любовію членовъ и Главы, также какъ и взаимною любовію членовъ другъ къ другу. Для Церкви нѣтъ предѣла, она объемлетъ и небо и землю, въ

* Г. Оберленъ: Пророкъ Даніилъ и Апокалипсисъ св. Іоанна, стр. 341—342.

ней непрерывное продолженіе новаго начала жизни, положеннаго Христомъ и совершаемаго Духомъ Божіимъ. Это есть ея всеобъемлющее единство, единство общенія во Христѣ, какъ чистое отображеніе единства Троическаго и какъ священный залогъ конечнаго единства всего церковнаго тѣла въ Богѣ черезъ Христа, послѣдняя цѣль коего есть прославленіе человѣческаго естества въ мѣру прославленія Христова, дабы въ этомъ прославленіи быть всѣмъ намъ едино съ Нимъ, а въ Немъ и едино со Отцемъ или что то же—достигнуть человѣчеству внутренней, сокровенной Единотроической жизни. И въ этомъ послѣдняя цѣль Церкви.*

Послѣ такого опредѣленія Церкви, читатель понимаетъ, что нельзя такому Божественному на землѣ учрежденію предлагать такой неестественный вопросъ, какъ вопросъ о разрѣшимости или неразрѣшимости войны. Спрашивающіе такъ Церковь не знаютъ что спрашиваютъ, потому что не знаютъ истинной сущности Христіанства.

---

* Протоіерей Сергіевскій: Объ основныхъ истинахъ христіанской вѣры. Изд. 1883 года, стр. 149—151.

Другое дѣло поставить такъ вопросъ: противорѣчитъ ли война существу христіанской религіи и дѣйствительно ли война всегда такъ преступна и безнравственна въ своихъ источникахъ и послѣдствіяхъ, какъ стараются ее представить новѣйшіе писатели, въ родѣ напр. англійскаго писателя mr Іонаѳана Даймондъ, который проводитъ это воззрѣніе какъ въ своемъ курсѣ этики и права, такъ и въ сочиненіи, спеціально посвященномъ вопросу о томъ, согласна ли война съ принципами христіанства.* По мнѣнію Іонаѳана Даймонда, война стоитъ въ противорѣчіи съ общимъ характеромъ христіанства и его основными нравственными правилами, и запрещается точнымъ и прямымъ смысломъ нѣкоторыхъ изрѣченій, заключающихся въ Св. Писаніи. Словомъ, война, по его мнѣнію, есть несомнѣнное преступленіе, а воины несомнѣнные преступники. Это, разумѣется, очень ново, такъ ново, что мы по долгу своего военнаго званія, которое носимъ, и по силѣ своего разумѣнія обязаны дать отвѣтъ.

* Essays of the Principles of Morality and on the private and political Rights and Obligations of Mankind. London. Edition 7 th, 1880.

Наши православные богословы и представители духовной науки сказали свое слово,* но Церковь Православная не препятствуетъ и міряпину, какъ члену благодатнаго Царства Христова, принимать участіе въ преніяхъ, цѣль коихъ должна быть не праздное словопреніе и невѣжественное состязаніе, всегда учащихся и никогда немогущихъ въ разумъ истины пріити (2 Тим. III, 7), неразумѣющихъ ни того о чемъ говорятъ, ни того что утверждаютъ, а единственно чтобы, преобразовывалсь обновленіемъ ума своего, испытывать намъ, что есть воля Божія благая, угодная и совершенная (Римл XII, 2).

VI

Земная Церковь Христова не имѣетъ другаго назначенія кромѣ спасенія людей Христіане соединены въ Христово общество для достиженія той самой цѣли, которая есть цѣль христіанскаго уче-

* Г. Гусевъ, Священникъ Свѣтловъ и протоіерей Воздвиженскій Православное Обозрѣніе: 1890, кн. I, IX, X и 1891 года, кн. I.

нія. Именно: каждый долженъ служить другимъ по свойству даннаго ему духовнаго дара: *Кійждо яко же пріятъ дарованіе, между себе симъ служаще, яко добріи строителіе различныя благодати Божія* (1 Петр. IV, 10; 1 Кор. XII, 28, 30).

Въ христіанскомъ обществѣ есть слабые и сильные, добродѣтельные и порочные, здоровые и больные, обезпеченные и бѣдные, требующіе наставленія и подкрѣпленія и способные преподать то и другое. Дѣло сильныхъ—подавать помощь слабымъ, властныхъ—защищать обиженныхъ и безоружныхъ, причемъ высшіе должны управлять низшими.

При взаимномъ содѣйствіи всѣхъ членовъ Церкви духъ ученія Христова можетъ раскрываться полнѣе, заблужденія и несправедливости могутъ предотвращаться удобнѣе, чѣмъ при дѣйствіи каждаго члена отдѣльно. *Все тѣло составляемое и совокупляемое посредствомъ всякаго вспомоществующаго соприкосновенія, при соразмѣрномъ дѣйствіи каждаго члена, получаетъ приращеніе для своего назиданія въ любви* (Еф. IV, 16; Кол. III, 16). Такъ Церковь Хри-

стова, пока она на землѣ, есть общество подвизающихся для вѣчнаго освѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ есть Церковь воинствующая съ многоразличными грѣхами и пороками людей.

Царство Мое нѣсть отъ міра сего... Азъ на сіе родихся и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтелствую истинѣ (Іоан. XVIII, 36, 37). Такъ говоритъ Глава Церкви представителю государственной власти—Пилату. Соединяя эти слова Господа съ тѣмъ ученіемъ Его, что Церковь Христова должна выполнять на землѣ дѣло Христово (Іоан IV, 34), получаемъ то убѣжденіе, что Церковь Христова, по ученію Спасителя, не должна облекать себя правами и духомъ, принадлежащими мірской власти, и что она только и исключительно должна жить для истины, оставленной ей Господомъ.

Но это, конечно, не снимаетъ съ государственной власти обязанности охранять Церковь отъ опасностей внѣшнихъ и помогать ей для успѣховъ въ дѣлѣ вѣры. Государственная власть охраняетъ Церковь, какъ завѣдывающая порядками гражданской жизни; будучи же христіанскою властью,

она должна охранять Церковь, потому что иначе оскорбляла бы въ себѣ любовь къ св. вѣрѣ и ея Основателю, Господу Іисусу Христу. Съ другой стороны, такъ какъ евангельская истина, ввѣренная Церкви, есть истина всемірная, способная озарять всѣ состоянія людей и все существованіе міра созданнаго, то для земныхъ царствъ Церковь — есть истинный даръ неба.*

Но охрана Церкви государственною властью не иначе можетъ быть выполнена какъ чрезъ органы исполнительной власти, которые охраняютъ съ тѣмъ вмѣстѣ и порядки государственной жизни. Охранять же что либо отъ покушенія людей порочныхъ и злыхъ можно не иначе какъ силою оружія, и притомъ тѣмъ людямъ, которымъ царскою властью ввѣрено охраненіе жизни, чести и собственности ближняго. Такими людьми являются „воины Христовы“, коихъ первый долгъ повиноваться начальству и во всей строгости исполнять его приказанія. Такъ какъ воинамъ ввѣряется охраненіе цѣлости государства и защищеніе общественной безопасности

* Филаретъ, архіепископъ черниговскій: Православное догматическое богословіе. 1865, ч. II, стр. 366.

отъ враговъ силою оружія, то „воинъ Христовъ" не долженъ щадить ни здоровья, ни самой жизни, когда пожертвованіемъ оныхъ можно спасти Церковь, престолъ и отечество отъ угрожающей опасности (Іоан. XV, 13). „Воины Христовы" должны знать, что Самъ Господь присутствуетъ среди нихъ на брани (Втор. XX, 1—4; 1 Цар. XV, 2, 3), Онъ спасаетъ отъ враговъ (Лев. XXVI, 7—8); вѣрою въ Него побѣждали древніе (Евр. XI, 30, 32—34), коихъ твердость и храбрость на войнѣ Апостолъ ставитъ въ особенную заслугу и назиданіе вѣрующимъ, чего не могло бы быть, еслибы воины по самому ремеслу своему были преступники.

Воины должны знать, что побѣда ихъ надъ врагами зависитъ отъ Бога (Исход. XVII, 9—16; XXIII, 22—23; Псал XVII, 35—43), и потому „воины Христовы" должны быть исполнены духомъ вѣры, благочестія и святости (Евр. XI, 30, 33—34; Втор. XXIII, 14); должны смотрѣть на занимаемое ими въ обществѣ мѣсто и соединенныя съ нимъ обязанности, какъ на призваніе и опредѣленіе Божіе (Матѳ. XXV, 14—15; 1 Петр. IV, 10—11;

Рим. XII, 3—8), и потому каждый долженъ проходить свое служеніе вѣрно и по совѣсти, не передъ глазами только людей, но въ чувствѣ вездѣприсутствія Божія (Ефес. VI, 6—8), и не изъ чаянія земныхъ только выгодъ, но преимущественно изъ сыновняго повиновенія Отцу небесному и изъ чувства человѣколюбія и искренняго желанія содѣйствовать черезъ то благу общему (Рим. XII, 4—9; 1 Кор. XII, 12, 25—27).*

Никто для себя одного не живетъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустый, но всякій—и художникъ, *и воинъ,* и земледѣлецъ, и купецъ посвящаютъ себя занятіямъ для пользы и выгоды общественной... Кто живетъ только для самого себя, а о всѣхъ прочихъ не радитъ, тотъ лишній, тотъ не человѣкъ (На Матѳ. Бес. 77).

Эти слова святаго отца и вселенскаго учителя всѣмъ вамъ слѣдуетъ хорошенько запомнить. Изъ нихъ явствуетъ, что не одни земледѣльцы, художники, купцы и т. п. живутъ для блага и пользы общественной, но также и воины, существо-

* Протоіерей Солярскій: Нравственное православное богословіе. Стр. 360.

ваніе коихъ онъ узаконилъ и призналъ за ними право гражданства. По его мнѣнію, воины не преступники, а необходимые въ обществѣ люди, безъ которыхъ главная цѣль гражданскаго общества—безопасность, благоустроенный порядокъ и благополучіе временной жизни—не можетъ быть достигнута, не будетъ достигнута и его конечная цѣль—совершенствованіе для вѣчной жизни въ добродѣтели, безъ чего истинное благо, какъ общее, такъ и частное—потеряло бы свое значеніе.

Св. Писаніе постоянно изображаетъ намъ общество человѣческое стройнымъ организмомъ, въ которомъ соединяются и дѣйствуютъ разнородныя силы. Оно сравниваетъ общество человѣческое съ тѣломъ, которое состоитъ изъ разныхъ членовъ, неравнаго достоинства и крѣпости (Рим. XII, 4—5). Самъ Богъ, по его ученію, намѣренно раздѣляетъ дары Свои, дабы ни одинъ человѣкъ не могъ обойтись безъ другаго, чтобы тѣмъ тѣснѣе скрѣплялась взаимная связь между людьми и цѣльными обществами, какъ членами единаго тѣла (1 Кор. XII, 12, 18—27; Ефес. IV, 4, 7, 15—16). Оно представляетъ намъ невозможность общества

при равенствѣ членовъ. *Если все тѣло глазъ, то гдѣ слухъ? Если все тѣло слухъ, то гдѣ обоняніе? А если бы всѣ были одинъ членъ, то гдѣ было бы тѣло? Но теперь членовъ много, а тѣло одно* (1 Кор. XII, 17—20). Отсюда оно предписываетъ разнымъ членамъ разныя обязанности (1 Петр. IV, 10—11; Рим. XII, 6—10), и предлагая каждому для спасенія оставаться въ томъ званіи, къ какому кто призванъ (1 Кор. VII, 20, 24), ни однимъ словомъ не оговаривается о званіи военномъ, чего не могло бы быть, еслибы это званіе было преступное, съ волею Господа несогласное, Который несомнѣнно оговорилъ бы это устами Апостола, вразумилъ бы людей въ вѣковомъ заблужденіи о войнѣ обрѣтающихся. И не могъ не сдѣлать этого милосердый Господь, *иже всѣмъ человѣкамъ хощетъ спастись и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. II, 4).

Въ Евангеліи отъ Луки повѣствуется: пришли къ величайшему новозавѣтному Пророку Крестителю Господню Іоанну воины и спрашивали его:

что намъ дѣлать? Пророкъ, требовавшій передъ тѣмъ отъ народа сотворить достойные плоды покаянія, отвѣчаетъ воинамъ: *никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своимъ жалованьемъ* (Лук. III, 14).

Трудно, разумѣется, рѣшить, что это были за воины—природные ли іудеи, или же прозелиты изъ язычниковъ; но кто бы ни были они, во всякомъ случаѣ это были люди, ожидавшіе новаго царства Мессіи и желавшіе быть его участниками. Что же совѣтуетъ этимъ преступникамъ Іоаннъ Креститель? Совѣтуетъ не бросать свое преступное ремесло, а только то, чтобы они воздерживались отъ перечисленныхъ пороковъ, и проходили свою службу честно, оказывая любовь и сострадание къ ближнимъ.

Такой отвѣтъ Іоанна Крестителя былъ бы невозможенъ, еслибы служба воина была противна волѣ Божіей. Тогда Іоаннъ непремѣнно потребовалъ бы отъ воиновъ прежде всего оставить военную службу. Это вовсе не отрицательное отношеніе христіанства къ военному дѣлу, какъ толкуютъ другіе, но это прямое признаніе и освященіе этого дѣла. Другими словами: пророкъ Господень давая имъ

совѣтъ какъ спастись, и не предлагая воинамъ оставить военную службу, этимъ самымъ признаетъ и утверждаетъ ея законность и, конечно, вовсе не считаетъ ее преступною, какъ это приходитъ въ голову современнымъ книжникамъ и фарисеямъ.

Слово Божіе, которое не есть слово человѣческое, столь живо и дѣйственно, что проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и которое *судитъ чувствованія и помышленія сердечныя* (Евр. IV, 12), на вопросъ воиновъ *какъ имъ спастись*, слово Божіе—устами Крестителя Господня предлагаетъ имъ только остерегаться отъ пороковъ, сопряженныхъ съ ихъ званіемъ, какъ предостерегаетъ отъ пороковъ, свойственныхъ званію мытарей, фарисеевъ, и т. п., но не требуетъ отъ воиновъ оставленія военной службы. Не ясно ли, что оно тѣмъ самымъ признаетъ ея законность?

Царство Мое не отъ міра сего, если бы было отъ міра сего царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ іудеямъ; но царство Мое не отсюда (Іоан. XVIII, 36).

Въ такомъ отвѣтѣ на вопросъ Пилата: царь ли ты іудейскій?—Господь утверждаетъ, что Онъ дѣйствительно Царь, но только не въ смыслѣ политическомъ, а духовномъ. Видимый, наглядный признакъ сего тотъ, что если бы царство Мое было политическое, и Я былъ Царь въ этомъ смыслѣ, то *служители Мои*, т.-е. всѣ сторонники моихъ царскихъ правъ, опираясь на силу войскъ, защитили бы Меня. Я не былъ бы взятъ толпою вооруженныхъ людей и не подпалъ бы подъ судъ синедріона и твой, который не объясняя даже вины моей предаетъ Меня на позорную и поносную казнь потому только, что нѣтъ у меня защиты. Другими словами, Господь какъ бы говоритъ такъ: что беззаконный судъ, который нынѣ надъ нимъ происходитъ, былъ бы невозможенъ, будь Онъ Царь политическій, потому что войска не позволили бы поставить своего Царя въ столь несправедливое и оскорбительное положеніе и предать его безъ всякой вины смерти: *Тогда служители Мои вступились бы за Меня.*

Этими словами Господь утвердилъ законность существованія войскъ въ политическомъ государ-

ствѣ и одобрилъ защиту царя и его подданныхъ отъ незаконнаго посягательства на ихъ жизнь и права.

Изучая ученіе Господа и всю послѣдующую исторію основанной имъ Церкви, мы не можемъ не придти къ тому заключенію, что хотя Спаситель нашъ есть *князь мира* (Исх. IX, 6; Лук. II, 14) и Самъ есть *миръ нашъ* (Ефес. II, 14—16), но тѣмъ не менѣе пришествіе Его на землю раздѣлило человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровью ея, почему слѣдствіемъ Его пришествія появились въ людяхъ несогласія, вражда и войны, о чемъ Онъ предсказывалъ Своимъ ученикамъ говоря: *не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ* (Матѳ. X, 34—35).

И дѣйствительно, великія идеи любви, заповѣданныя Господомъ, ожесточили людей другъ противъ друга и поселили между ними волненія, смуты и убійства. Кровь св. Стефана и ап. Іакова была первою жертвою за имя Христово. Римляне втеченіи трехъ вѣковъ гнали христіанъ, уничтожая все, что носило имя Христово. Писатели того

времени оставили намъ живыя свидѣтельства происходившихъ въ ихъ время ужасовъ.

При императорѣ Константинѣ, когда гоненія на христіанъ прекратились и когда Церковь стала торжествующей, измѣнился характеръ войнъ, и войны изъ оборонительныхъ стали наступательными во имя вѣры надъ невѣріемъ и христіанской свободы надъ мусульманскимъ насиліемъ и рабствомъ. Далѣе, исторія меча, о которомъ говорилъ Господь, была исторія знаменитыхъ „крестовыхъ походовъ" изъ-за освобожденія гроба Господня; затѣмъ наши „Восточныя войны" изъ-за единовѣрныхъ и единоплеменныхъ славянъ, когда смуты и потрясенія европейскихъ державъ неоднократно грозили превратиться во всеобщее пожарище, и когда соединенная коалиція Австріи и англо-французскаго флота разразилась надъ нашимъ многострадальнымъ Севастополемъ...

Наконецъ „исторія меча" наглядно для всѣхъ выразилась въ послѣднюю Русско-Турецкую войну 1877—78 годовъ, изумительную по подвигамъ любви и неслыханную по результату черствой неблагодарности освобожденныхъ!!!... Но какъ „гроба

Господня" не взяли славные крестоносцы, такъ должно быть неразрѣшимъ „восточнаго вопроса" и мы, ибо не ушла бы назадъ, въ виду стѣнъ Константинополя, наша побѣдоносная армія, не будь на то Господня воля...

Новозавѣтный пророкъ и евангелистъ Іоаннъ прикровенно излагаетъ это въ Апокалипсисѣ: грозный всадникъ на рыжемъ конѣ, съ мечемъ въ рукахъ, видѣнный имъ по снятіи ангеломъ второй печати съ таинственной книги, былъ именно тотъ самый, которому велѣно Господомъ взять съ земли миръ и наложить на Церковь Свою тяжкія испытанія. Этотъ всадникъ и былъ для христіанъ первообразомъ имѣющихъ послѣдовать войнъ и гоненій. Большой мечъ въ его рукѣ вѣроятно и былъ тотъ самый, о которомъ говорилъ Господь народу (Апок. VI, 3—4).

VII

Въ притчѣ Спасителя о „бракѣ сына царева" царь посылаетъ рабовъ своихъ звать званыхъ на

брачный пиръ своего сына, но званые не хотѣли прійти: одни пошли на поле свое, другіе на торговлю свою, прочіе же, схвативъ рабовъ, оскорбили и убили ихъ. Услышавъ о семъ, царь разгнѣвался, и, *пославъ войска свои,* истребилъ убійцъ, и сжегъ городъ ихъ (Мато. XXII, 2—7).

Такъ какъ въ притчѣ подъ царемъ подразумѣвается Богъ Отецъ—Царь всего міра, а подъ брачнымъ пиромъ учрежденіе царства Мессіи или Церкви Христовой въ мірѣ (Мато. IX, 15; Ефес. V, 27), то, значитъ, притча Господня учитъ: что война, производимая войсками съ врагами Церкви Христовой для наказанія ихъ за оскорбленіе и убіеніе вѣрующихъ во имя Божіе—не противорѣчитъ сущности христіанскаго ученія. Этою притчею, какъ думаетъ Іоаннъ Златоустый, Господь прямо предсказываетъ событія, случившіяся при Веспасіанѣ и Титѣ, когда совершился надъ іудеями грозный судъ Божій за непринятіе ими Мессіи, когда Іерусалимъ былъ разрушенъ до основанія, и когда іудеи были явно отвергнуты Богомъ, какъ недостойные участія въ Царствѣ Христовомъ. Такимъ образомъ, войска Тита при обложеніи

Іерусалима являются исполнителями воли Божіей и вѣрными орудіями отмщенія, почему Господь знаменательно называетъ ихъ *Своими*. Это ли не великая честь воинства?

Въ Апокалипсисѣ мы читаемъ: *Кто ведетъ въ плѣнъ, тотъ самъ пойдетъ въ плѣнъ. Кто мечемъ убиваетъ, тому самому надлежитъ быть убиту мечемъ* (Апок. XIII, 10). Этими словами св. писатель Откровенія признаетъ законность войны съ поработителями народовъ, дабы наказать ихъ и дать справедливое возмездіе за всѣ тѣ бѣдствія, которыхъ они были причиною, и дабы освободить изъ рабства народы, насильно ими плѣненные. Слѣдовательно, всѣ высоко гуманныя „Восточныя войны" Россіи изъ-за единовѣрныхъ славянъ этимъ текстомъ Божественнаго Откровенія безусловно оправдываются, какъ войны, гдѣ Россія явила свою особенную любовь къ славянамъ, на которой зиждилась вся сфера ея дѣятельности, и для которой война послужила высочайшимъ выраженіемъ.

Эти мѣста св. Писанія, которыя мы приводимъ, враги войны и военнаго сословія обыкновенно

замалчиваютъ въ своихъ писаніяхъ, и тѣмъ, конечно, выражаютъ не совсѣмъ полную добросовѣстность своихъ полемическихъ пріемовъ.

VIII

Но отчего же это, спроситъ читатель, христіанская религія, будучи религіей любви и мира, допускаетъ войну, и съ пришествіемъ на землю Сына Божія не только не наступилъ конецъ войнамъ, но даже самое пришествіе Его послужило поводомъ къ усиленію вражды и войны и къ проникновенію ея въ области, болѣе всего обезпеченныя отъ вліянія ихъ?... (Матѳ. X, 35, 36). Отчего войнѣ, какъ ни съ чѣмъ несравнимому народному бѣдствію, суждено продолжаться на землѣ и по утвержденіи на ней Церкви Христовой, какъ суждено продолжаться смерти, болѣзнямъ, трусамъ и гладамъ? Отчего, при всеобщемъ и единодушномъ желаніи мира со стороны всѣхъ европейскихъ державъ, людямъ все таки не избѣжать войны и вражды?

Не одного интеллигентнаго человѣка спрашивали мы по этому поводу, и притомъ людей раз-

ныхъ степеней образованія, и ни отъ кого мы не получали правильнаго отвѣта. Не будемъ скрывать нашего удивленія передъ бѣдностью духовной жизни нашего офицерства, которое, впрочемъ, не есть какое либо печальное исключеніе одного военнаго сословія, но въ одинаковой мѣрѣ и прочихъ интеллигентныхъ сословій, нисколько не болѣе его духовно развитыхъ!!!!!...*

* Приведемъ примѣръ: Въ военномъ журналѣ офицеръ ведетъ рѣчь о военномъ воспитаніи солдата и говоритъ: «Не любовь къ начальнику составляетъ фундаментъ, на которомъ можно строить зданіе, а страхъ. Солдатъ долженъ прежде всего бояться своего строгаго, но справедливаго начальника, и любовь будетъ результатомъ, но основаніе составляетъ страхъ». А другой уже военный авторитетъ его поправляетъ: «Нужно доказать, сказать мало; слѣдствіемъ страха собственно бываетъ ненависть; слѣдствіемъ любви бываетъ страхъ».

Военный авторитетъ нашъ очевидно упустилъ изъ вниманія глаголъ жизни: *Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе, боящійся несовершенъ въ любви* (1 Іоан. IV, 18).

А вотъ еще примѣръ окончательной тьмы. Одинъ изъ командировъ отдѣльныхъ частей говорилъ намъ: тридцать пять лѣтъ служу я по совѣсти, всегда былъ аттестованъ прекрасно, какіе же, батюшка, у меня могутъ быть грѣхи?

При нашихъ бесѣдахъ съ нижними чинами, часть изъ нихъ отвѣчала очень туманно, другая опредѣленнѣе и точнѣе, и наконецъ третья часть, въ числѣ коихъ особенно два канонира и бомбардиръ Михайловъ—дали богословски вѣрный и толковый отвѣтъ, и тѣмъ въ духовномъ своемъ вѣдѣніи опередили интеллигенцію

Въ чемъ же дѣло, и какой ихъ отвѣтъ? „До тѣхъ поръ, пока въ людяхъ будетъ жить грѣхъ, до тѣхъ поръ и война будетъ“ —отвѣчали они намъ.

Переводя этотъ отвѣтъ на языкъ богословскій и ученый, получимъ выводъ: что творческою волею Бога міръ и человѣкъ поставлены въ непосредственное и живое взаимодѣйствіе, и развитіе перваго творчески соединено съ развитіемъ втораго, *почему исторія войнъ есть прежде всего грозная исторія человѣческаго грѣха.*

Но та же исторія говоритъ намъ, что было на землѣ время, когда грѣха не было, и это состояніе первозданнаго человѣка, какъ событіе историческое, сохранилось у всѣхъ народовъ въ вѣрованіи въ „золотой вѣкъ“, потерянный людьми навсегда.

Слѣды первобытнаго откровенія и преданія о первоначальномъ блаженномъ состояніи человѣка сохранились и въ мистеріальныхъ культахъ языческихъ народовъ, различныхъ по религіи, гражданскому устройству и раздѣленныхъ между собою пространствами времени и мѣста.

Такъ, *ламайская* религія учитъ о вѣкѣ блаженства, когда человѣкъ наслаждался плодами божественнаго древа. Преданіе *индѣйцевъ* говоритъ о садѣ съ древомъ безсмертія. *Персидское* преданіе о „золотомъ вѣкѣ“ сохранилъ Плутархъ въ озиридѣ и изидѣ, а также и въ зендавестѣ. *Греческое* преданіе о „золотомъ вѣкѣ“ мы находимъ у Гезіода, Платона, у Діодора Сицилійскаго, Вергилія, Лукреція, Овидія, Арата, Тибула и Сенеки, и, кромѣ того, есть памятники, передавшіе намъ народную вѣру *римлянъ* въ „золотой вѣкъ“ (Лактанцій и Евсевій). У послѣдняго писателя въ его „Приготовленіи къ евангелію“ (Praepar. Evang., lib. 1, c. 8; lib. 12, c. 11, 13). Въ китайской книгѣ King читають такое изображеніе „золотаго вѣка“: во время перваго неба чистое удовольствіе и миръ вездѣ царствовали; не было ни труда, ни наказаній,

ни болѣзней, ни преступленій; все на землѣ повиновалось волѣ человѣка.

Такое согласное историческое свидѣтельство о „золотомъ вѣкѣ“ всѣхъ безъ исключенія народовъ древности должно несомнѣнно говорить намъ за его достовѣрность.*

Но вотъ первый человѣкъ палъ, согрѣшивъ. Все въ мірѣ и въ духовной жизни человѣка измѣнилось съ этой минуты, человѣкъ изъ блаженнаго перешелъ въ состояніе грѣховное, и снова это историческое паденіе свидѣтельствуется всѣми миѳологіями древнихъ и особенно восточныхъ народовъ, согласно подтверждающихъ повѣствованіе Моисея о паденіи первыхъ людей. Такъ напримѣръ *египетское* преданіе объ обольщеніи Адама и Евы Норденъ открылъ на іероглифическомъ памятникѣ между развалинами Мемнонова дворца въ Ѳивахъ.**

Что же произошло въ мірѣ и въ потомствѣ Адама съ явленіемъ грѣха?

---

* Существуетъ предположеніе, что «золотой вѣкъ» продолжался на землѣ 33 года, что, какъ извѣстно, равняется числу лѣтъ земной жизни Спасителя.

** Reisebeschreibung nach Aegypten und Nubien. Paris. 1795.

Съ явленіемъ грѣха весь родъ человѣческій подвергся нравственно-физической порчѣ; путемъ естественнаго рожденія порча эта стала наслѣдственною, нарушившею богоустроенный порядокъ въ самой человѣческой природѣ; порча эта обозначилась въ людяхъ въ слабости разсудка для познанія чистой истины и въ немощи воли для усовершенствованія въ добрѣ. Дѣйствіемъ человѣческой свободы она перешла въ страсть и достигла у многихъ людей высокой степени проявленія, уничтоживши въ человѣкѣ его многія богоподобныя свойства. *И увидѣлъ Господь, что умножилось зло человѣковъ на землѣ, и что всякое порожденіе помышленій сердца ихъ одно зло во всю жизнь* (Быт. VI, 5). Послѣ окончанія всемірнаго потопа, Господь со всею ясностью выражаетъ глубину и обширность растлѣнія людей: *Я уже не буду проклинать земли за человѣка: потому что порожденіе сердца человѣческаго зло отъ юности его* (Быт. VIII, 21).

Съ неменьшею ясностью учитъ о всеобщности и наслѣдственности грѣха и Новый Завѣтъ. Въ Посланіи къ римлянамъ апостолъ Павелъ говоритъ:

якоже единъмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки внидe, въ немже вси согрѣшиша (Рим. V, 12).

Такимъ образомъ грѣхъ Адама представляется у апостола не дѣйствіемъ случайнымъ одного недѣлимаго, но живымъ началомъ, давшимъ превратное направленіе всей человѣческой природѣ и извращающимъ дѣйствія всѣхъ людей.

Наклонность ко грѣху и испорченность нашей природы такъ велика и трогательна, что въ раскрытіи нашего грѣховнаго состоянія Откровеніе идетъ еще дальше: *Я не понимаю что дѣлаю: потому что не то дѣлаю что хочу, а что ненавижу то дѣлаю. Добра котораго хочу, не дѣлаю, а зло котораго не хочу, дѣлаю. Въ членахъ моихъ я вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ* (Рим. VII, 15, 19, 23).—*Бѣдный я человѣкъ!* прибавляетъ апостолъ: *кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?* (ст. 24).

Наши же ученые, отрицая такое грѣховное состояніе человѣка и объясняя его отсутствіемъ образованія и воспитанія, предлагаютъ дерзкія и развратныя познанія, увлекая ими неопытные умы, способные ослѣпляться всякою новизною (Ефес. IV, 14; 1 Тим. VI, 3—5, 20—21), которые извращая въ корнѣ понятія здраваго смысла *глаголютъ горькое сладкое, и сладкое горькое, глаголютъ свѣтъ тьму, и тьму свѣтъ* (Исаіи V, 20), и которые подобно книжникамъ и фарисеямъ, взявши ключъ разумѣнія, и сами не входятъ въ храмъ истинной мудрости и заграждаютъ путь и другимъ (Лук. XI, 52; Матѳ. XXIII, 13).

IX

И такъ, слѣдствіемъ содѣяннаго грѣха было всеобщее и наслѣдственное разстройство духовной и тѣлесной природы человѣка. Грѣхъ, какъ нарушеніе закона, какъ истинное беззаконіе, и собственное наше состояніе, добровольно нами приви-

тое, о которомъ всякій, непотерявшій духовный умъ, имѣетъ внутреннее сознаніе и на опытѣ основанное знаніе—есть вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшая реальность. Реализмъ грѣха выразился у человѣка не только въ дѣланіи вреда ближнему, но также и самому себѣ.

Грѣхъ, говоритъ протоіерей Сергіевскій, поразилъ разстройствомъ живый союзъ силъ нашего духа, который съ потерею Богообщенія потерялъ свой внутренній центръ. Духъ въ человѣкѣ соединенъ съ тѣломъ въ единство лица. Теряя власть надъ самимъ собою, духъ теряетъ власть и надъ своимъ тѣлеснымъ орудіемъ или проявленіемъ; духъ и тѣло у насъ въ борьбѣ и въ постоянномъ взаимномъ пораженіи: разстройство отношенія человѣка къ Богу повторяется и наказывается въ разстройствѣ отношенія тѣла человѣка къ его духу; ихъ взаимная борьба усиливаетъ борьбу духа въ немъ самомъ. Всѣ мы сами свидѣтели этого для себя; мы не владѣемъ даже нашими мыслями: наша тѣлесность, отрѣшившаяся отъ господства духа, какъ бы въ залогъ своего конечнаго нѣкогда отрѣшенія отъ души въ *видимой* смерти—постоянно вредительно втор-

гается въ наше представленіе и мышленіе, днемъ и ночью, оскверняя, помрачая, ослабляя и извращая.*

Но не одни люди, а и внѣшній, видимый міръ разстроился отъ дѣйствія человѣческаго грѣха, и вселенная, какъ бы симпатически вовлеченная въ слѣдствіе грѣха, *подверглась суетѣ и вмѣстѣ съ человѣкомъ стенаетъ и мучится донынѣ, воздыхая объ избавленіи* (Рим. VIII, 19—22). Вселенная мучится отъ зла, внесеннаго въ міръ самимъ человѣкомъ. *Человѣкъ былъ созданъ добрымъ* (Быт. I, 31), и созданъ для того, чтобы совершенствоваться и укрѣпляться въ добрѣ. Человѣку предлагалось на выборъ: *жизнь* и *добро, смерть* и *зло* (Втор. XXX, 15), и человѣкъ, будучи сотворенъ правымъ, *самъ пустился во многіе помыслы* (Еклез. VII, 29). Народъ измѣняетъ Богу, говорилъ пророкъ, и нарушаетъ Его завѣтъ, какъ Адамъ нѣкогда нарушилъ завѣтъ съ Богомъ (Ос. VI, 7). Народъ грѣшитъ, потому что *праотецъ* людей нѣкогда *согрѣшилъ* (Исаіи XLIII, 27). Самое имя грѣха въ Ветхомъ

* Протоіерей Сергіевскій: Объ основныхъ истинахъ Христіанской Вѣры, изд. 1883 года, стр. 127.

Завѣтѣ характеристично, какъ указаніе на ненормальное нравственное состояніе человѣка, ибо нѣтъ свободныхъ отъ грѣха, *всѣ сдѣлались непотребными,* въ беззаконіи зачинаются и во грѣхѣ раждаются (Прит. XX, 9; Псал. XIII, 3; L, 7).

Съ явленіемъ грѣха человѣкъ впалъ въ различныя преступленія и пороки, и грѣхъ, какъ мы сказали, не будучи дѣйствіемъ случайнымъ одного недѣлимаго, но будучи живымъ началомъ, далъ превратное направленіе всей человѣческой природѣ и извратилъ дѣйствія всѣхъ людей. Никакими человѣческими средствами нельзя побѣдить грѣха, почему горько заблуждаются тѣ люди, которые въ распространеніи образованія видятъ одну изъ существенныхъ мѣръ въ борьбѣ со зломъ, которые думаютъ уничтожить пороки людей учеными степенями и дипломами, тогда какъ ни для кого не новость, что часто самыя дикія преступленія совершаются образованными людьми. Съ распространеніемъ образованія, говорятъ эти люди, уничтожатся или въ значительной мѣрѣ ослабнутъ и войны, водворятся въ обществѣ болѣе мягкіе и гуманные нравы, и тогда путемъ общихъ переговоровъ для устраненія

главныхъ спорныхъ пунктовъ можно будетъ постепенно проводить идею разоруженія, установленіемъ международной юрисдикціи посредствомъ третейской практики, или ввести международный судъ и кодексъ, отчего *достоинство* народовъ несомнѣнно возрастетъ, если въ рѣшеніи своихъ споровъ они откажутся отъ варварскаго самоуправства и перейдутъ, наконецъ, къ *юстиціи,* для всѣхъ равной и ото *всѣхъ* заслуживающей *довѣрія.*

Такъ думаетъ теоретическій умъ и культъ никогда ничѣмъ невразумляющейся кабинетной теоріи.

Но не будемъ ничего опровергать изъ сказаннаго, посмотримъ лучше прямо на жизнь, какъ она есть, и на ея юстицію для всѣхъ равную и по мнѣнію теоретическаго ума ото всѣхъ заслуживающую довѣрія. Развернемъ нумеръ любой газеты. Вотъ напримѣръ что пишутъ изъ Румыніи: „Побоище въ палатѣ депутатовъ".

Въ засѣданіи палаты 15го іюня 1891 года одинъ изъ депутатовъ произнесъ рѣчь, въ которой мотивировалъ внесенный имъ маловажный запросъ. Но не успѣлъ еще министръ дать своего отвѣта, какъ изъ рядовъ оппозиціи поднялся г. Градиштеано,

прося слова для поддержанія запроса предыдущаго оратора. Послышались протесты противъ подобной попытки нарушить порядокъ преній, а президентъ отказалъ въ просимомъ словѣ. При этомъ въ палатѣ поднялся такой шумъ, что пришлось прервать засѣданіе на продолжительное время. Но когда засѣданіе было возобновлено, г. Градиштеано все еще стоялъ на трибунѣ. Шумъ возобновился и вскорѣ перешелъ въ перебранку между противными партіями, во время которой депутатъ Поповичъ бросился на депутата Лекка, далъ ему звонкую пощечину и поспѣшилъ выбѣжать изъ палаты. Президентъ бросился въ средину зала, гдѣ завязалась общая драка. Трудно было разобрать, кто нападаетъ и кто защищается; ясно обозначился лишь подвигъ Пики Катаджіу, который ударилъ по лицу г. Захелари и, поднявъ стулъ, сталъ размахивать имъ по воздуху, угрожая каждому, кто къ нему подступитъ. Засѣданіе было снова прервано.*

Не менѣе бурно было засѣданіе венгерскаго парламента, окончившееся обоюдными ругательствами и самыми оскорбительными выраженіями депутатовъ

* Московскія Вѣдомости 1891 года, № 164.

мадьярскихъ народоправствъ, за которыми послѣдовали поединки, представляющіе въ Венгріи какъ и во Франціи обычный исходъ изо всѣхъ парламентскихъ скандаловъ.*

Графъ Камаровскій убѣжденъ, что всеобщій миръ изъ мечты превратится въ реальность, когда къ достиженію его дружно направятся всѣ факторы общественной жизни: религія, школа, наука и печать; но все это къ сожалѣнію одни только хорошія слова, такъ какъ жизнь говоритъ намъ совсѣмъ иное, и мира желаннаго нѣтъ даже тамъ, гдѣ онъ долженъ быть и гдѣ образованные люди собираются во имя его и предстательствуютъ въ палатахъ. Вотъ напримѣръ еще извѣстіе изъ Италіи: „Драка въ парламентѣ въ честь тройной лиги".

Два дня кряду римская палата депутатовъ была ареной скандаловъ, завѣнчавшихся дракой, въ которой приняли участіе очень многіе представители Итальянскаго народа. Радикальная партія внесла въ палату запросъ объ иностранной политикѣ, главнымъ образомъ объ отношеніяхъ къ Австріи и Германіи и ко Франціи. Прежде чѣмъ

* Московскія Вѣдомости 1891 года, № 182.

запросъ подвергся обсужденію, послѣдовало распоряженіе министра, которымъ въ общественныхъ собраніяхъ воспрещается всякое обсужденіе вопроса о тройной лигѣ. Тогда радикалы рѣшили взять обратно запросъ объ иностранной политикѣ и прежде внести вопросъ о внутренней политикѣ. Правительство знало однако, что оно потерпитъ пораженіе при обсужденіи внутренней политики, и не согласилось на то, чтобы Каваллотти отъ имени радикаловъ взялъ свой запросъ назадъ. Когда же Каваллотти все-таки заявилъ объ этомъ въ палатѣ, немедленно поднялся бывшій морской министръ Бринъ и потребовалъ разъясненія по иностранной политикѣ. Невообразимый шумъ, поднятый радикалами, заставилъ президента закрыть засѣданіе. Засѣданіе въ воскресенье началось тѣмъ, что министръ-президентъ маркизъ ди-Рудини началъ свой отвѣтъ на запросъ Брина. Тогда поднялся Каваллотти и заявилъ, что совершается нарушеніе парламентской свободы, и потребовалъ, чтобы раньше былъ поставленъ на очередь запросъ о внутренней политикѣ, внесенный г. Калоянни. „Палата должна, наконецъ, подумать о томъ, чтобы право побѣдило силу, Бринъ

долженъ взять свой запросъ назадъ". Президентъ заявилъ, что ни буква, ни духъ программы очередныхъ дѣлъ ненарушены. „Палата приняла запросъ Брина, и г. Каваллотти не можетъ требовать, чтобы ради него были сдѣланы исключенія. Вспомните о вашемъ отечествѣ, почтеннѣйшій г. Каваллотти, и прекратите этотъ несчастный споръ".

Каваллотти: „Я требую только своего права".

Президентъ: „Зачѣмъ вы взяли свой запросъ обратно?"

Каваллотти: „Потому что не хочу быть гороховымъ шутомъ".

Бринъ заявляетъ, что онъ своего запроса обратно не возьметъ. Имбріани, намекая на то, что бывшій морской министръ никогда не былъ морякомъ, а былъ только адвокатомъ, кричитъ: „Что нужно этому швейцарскому адмиралу?"

Бринъ: „Можете ругаться, сколько вамъ угодно, я ожидаю отвѣта министра-президента".

Въ палатѣ подымается шумъ: правая аплодируетъ, лѣвая свищетъ, радикалы кричатъ и топаютъ ногами. Пантано кричитъ на всю залу: „Лаццарони! Пройдохи! Ханжи, австрійскіе лакеи! Къ чорту ваши черно-желтыя (австрійскія) кокарды".

Среди этого невообразимаго шума, маркизъ ди-Рудини заявляетъ: „Я могу увѣрить палату и страну... *(Крики: Вонъ его! Молчите, чортъ побери! Пустая голова!)*... Я увѣряю палату и страну, что правительство будетъ слѣдовать той мирной политикѣ, которой оно слѣдуетъ давно. Поэтому мы будемъ крѣпко и вѣрно держаться союзовъ съ обѣими имперіями. Италія и Европа могутъ быть увѣрены, что наши союзы и миръ будутъ сохранены".

Палата встрѣчаетъ это заявленіе громкимъ одобреніемъ съ одной стороны и криками и свистомъ съ другой. Крайняя лѣвая окружаетъ ди-Рудини и осыпаетъ его отборными ругательствами. Рудини даетъ знакъ президенту, и тотъ даетъ Калояни слово для развитія запроса по внутренней политикѣ.

Калояни: „Послѣ подлаго поведенія большинства палаты, я отказываюсь отъ слова".

Президентъ: „Призываю васъ къ порядку".

Депутатъ Демартино: „Изъ любви къ отечеству, я не хочу ближе опредѣлить мальчишеское поведеніе товарища, г. Кавалотти"...

Каваллотти бросается впередъ и кричитъ: „Ахъ, ты, каналья, хочешь надо мною издѣваться!“

Каваллотти пытается схватить Демартино, но депутатъ Демарія бросается между ними, наноситъ Каваллотти ударъ кулакомъ по лицу и сталкиваетъ его со ступенекъ трибуны. Товарищи Каваллотти двигаются впередъ, и около трибуны сбивается куча депутатовъ, у которыхъ можно различать только головы. *Драка продолжается втеченіи десяти минутъ и заканчивается отдѣльными потасовками въ корридорахъ палаты. Въ дракѣ принимаетъ участіе половина депутатовъ.**

Припомнимъ также читателю инцидентъ съ французскими министрами *Констанъ—Лора*, разыгравшійся во французской палатѣ депутатовъ въ 1892 году. Констанъ бросается съ министерской скамьи, Фрейсине пытается удержать его, но Констанъ вырывается. Ту-же попытку дѣлаетъ товарищъ министра Этьенъ, но также безуспѣшно. На дорогѣ становится Делакретель, но получаетъ столь сильный пинокъ ногой, что кричитъ на всю залу

* Московскія Вѣдомости 1891 года, № 170.

и прихрамывая отбѣгаетъ въ сторону. Затѣмъ оттолкнувъ пристава, Констанъ подбѣгаетъ къ спускавшемуся съ трибуны Лору, лѣвою рукою беретъ его за шиворотъ и правою даетъ пощечину.

При первой пощечинѣ, нанесенной Констаномъ Лору, въ палатѣ раздались бѣшеныя рукоплесканія. Лоръ, весь блѣдный и, по выраженію Temps, точно ошеломленный (comme ahuri), даже не вздумалъ защищаться; лишь послѣ того какъ Констанъ со всего размаха во второй разъ ударилъ его кулакомъ по лицу и, повернувъ спиной, ударилъ колѣномъ между фалдами фрака, Лоръ бросился на трибуну и всею силой пустилъ въ министра первою попавшеюся книгой, оказавшеюся на трибунѣ. Курьозно, что эта книга оказалась *Справочною книгой по парламентскому праву,* Эженя Пьера.

Тою порой депутаты оттащили Констана отъ трибуны, и Лоръ пошелъ на свое мѣсто, произнося самыя отборныя ругательства. Республиканецъ Дельпешъ бросается на буланжиста Кастелена и даетъ ему пощечину, драка грозила стать всеобщею.*

* Московскія Вѣдомости 1892 года, № 14.

Приведенныя нами бурныя сцены происходили въ парламентахъ: румынскомъ, венгерскомъ, итальянскомъ и французскомъ, а вотъ вамъ сцены и въ образцовомъ англійскомъ: „Шумъ въ парламентѣ, какъ передаютъ англійскія газеты, начался изъ-за того, что ирландскіе депутаты стали прерывать рѣчь Чемберлэна объ ирландскомъ биллѣ криками „Іуда!“—намекая на его переходъ изъ Гладстонова лагеря въ лагерь либераловъ-уніонистовъ. Возникъ сильнѣйшій шумъ, среди котораго нѣсколько уніонистовъ пытались обратить вниманіе предсѣдательствовавшаго на нанесенное члену палаты оскорбленіе, требуя чтобы ирландцовъ заставили взять назадъ слово „Іуда“. Предсѣдательствовавшій распорядился, чтобы слово это было взято назадъ. Нѣсколько консерваторовъ заявили при этомъ, что не выйдутъ изъ залы засѣданій до тѣхъ поръ, пока это не будетъ сдѣлано. Предсѣдательствовавшій началъ настаивать на исполненіи своего распоряженія, но тогда депутатъ Логанъ, подойдя къ нему, сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо. Затѣмъ разыгралась небывалая въ британскомъ парламентѣ сцена: между Логаномъ и

другимъ депутатомъ завязалась драка, которая вскорѣ приняла широкіе размѣры, такъ какъ въ ней приняли участіе ирландскіе депутаты, вступившіеся за Логана. Среди общей толкотни, съ головъ депутатовъ слетали шляпы, сюртуки разрывались въ клочья, люди хватали другъ друга за горло, и поднялся такой гвалтъ, что ничего опредѣленнаго нельзя было разобрать. Съ разныхъ сторонъ сыпались удары, которые щедро раздавались во всѣхъ направленіяхъ...*

Можно ли придумать лучшую иллюстрацію къ силѣ и всеобщности человѣческаго грѣха какъ настоящія описанія?!! Народные депутаты, образованные люди, собираются въ парламентѣ во имя мира, и, забывъ время и мѣсто, дерутся между собою, какъ простые извощики!!!... И притомъ дерутся люди одной страны, одной національности и религіи, слѣдовательно въ „Международномъ Судѣ“, который г. Пси и графъ Камаровскій предлагаютъ учредить для рѣшенія международныхъ вопросовъ, гдѣ будетъ по нѣскольку депутатовъ отъ каждаго государства, побоище можетъ произойти

* Русскій Инвалидъ 1893 года, № 159.

еще внушительнѣе, съ болѣе серьозными послѣдствіями, нежели отдѣльныя потасовки въ корридорахъ палаты. И если случится что „Международный Судъ“ побьетъ депутата, неужто его народъ будетъ молча смотрѣть и не возьмется за оружіе?

Писатели эти говорятъ, что рѣшенія „Международнаго Суда“ будутъ по существу внушать довѣріе, ибо изданныя сообразно съ закономъ они не будутъ продуктомъ человѣческихъ происковъ или дипломатическихъ компромиссовъ; они предлагаютъ какъ полезную мѣру, что въ случаѣ если какое государство не послушается приговора суда, то оно должно остаться внѣ всякаго общенія и съ нимъ прекращаютъ сношенія всѣ другіе народы; приэтомъ, писатели эти увѣренными остаются, что подобная санкція не можетъ не имѣть для него внушительнаго нравственнаго и самаго тяжкаго практическаго дѣйствія.

Такъ можетъ говорить только профессоръ, человѣкъ теоріи, отрѣшенный отъ дѣйствительной жизни и невѣдающій силы грѣха. Конечно, блаженъ, кто такъ вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ. Но всѣ подобные проекты, какъ намъ кажется, не могутъ

подлежать даже серьозному обсужденію, и должны быть приравнены къ тѣмъ „рефератамъ“, которые для полученія отмѣтки составляются старшими гимназистами и студентами въ ихъ товарищескихъ собраніяхъ. Дѣтскій лепетъ подобныхъ проектовъ во всякомъ случаѣ не рекомендуетъ съ хорошей стороны наше образованіе и говоритъ за бѣдность нашей духовной жизни, при которой мы не доросли даже до сознанія печальнаго состоянія нашей грѣховной и падшей природы. Грустное наше время! И ухитрился же врагъ такъ ослѣпить наши духовныя очи!...

X

Намъ кажется поэтому, что нелишнимъ будетъ развить значеніе человѣческаго грѣха догматически болѣе подробно, нежели это сдѣлано нами, такъ какъ вопросъ этотъ имѣетъ прямое и непосредственное отношеніе къ поставленной нами темѣ „Воинъ Христовъ“.

Исторія людей есть прежде всего исторія грѣхопаденія всѣхъ и каждаго человѣка въ отдѣль-

ности. Всѣ боговдохновенные писатели представляютъ зло людей въ такомъ видѣ, что оно простирается не только на душу и тѣло людей, но и на помышленія ихъ, а равно и на все продолженіе человѣческой жизни. Разстройство духовной и физической природы человѣка они представляютъ какъ разстройство всеобщее, произшедшее отъ преступленія Адамова, вслѣдствіе котораго онъ отпалъ отъ непосредственнаго общенія съ Богомъ, нарушивши свой завѣтъ съ Нимъ.

Такъ, западные учители Церкви первыхъ четырехъ вѣковъ свв. Кипріанъ, Иларій и Амвросій говорили въ своихъ сочиненіяхъ, что паденіе Адамово оставило въ природѣ человѣческой сѣмя злое; учители восточные, каковы свв. Ириней, Игнатій, Іустинъ, Ѳеофилъ Антіохійскій, Меѳодій, Василій Великій, Іоаннъ Златоустый, Аѳанасій Александрійскій, Григорій Нисскій, Григорій Назіанзенъ, Епифаній и Макарій учили, что паденіемъ Адама грѣхъ проникъ въ природу человѣческую, что дѣйствіе наслѣдственной порчи обнаруживается въ омраченіи разума и въ превратныхъ желаніяхъ воли, не уничтожая свободы, и что порча эта переходитъ отъ

одного къ другому при самомъ рожденіи. Въ книгѣ Іова праведный Іовъ горько жалуется: *Кто дастъ чистымъ того, кто отъ нечистаго? Ни одному нельзя быть чистымъ, хотя бы и кратки были дни его* (XIV, 8). По его мнѣнію, человѣческая нечистота есть причина всѣхъ бѣдствій человѣческой жизни, и нечистота душевная переходитъ отъ отца къ дѣтямъ съ жизнію. Давидъ (Пс. XIII, 1—3; LII, 3, 4), Соломонъ (Прит. XX, 9; 3 Цар. VIII, 46), Исаія (XLVIII, 8) единогласно говорятъ, что всѣ люди виновны передъ Богомъ, и такъ какъ грѣхъ не могъ имѣть столь обширнаго владычества, еслибы не всеобщая порча природы прокладала ему путь въ мірѣ, то помянутыя жалобы на всеобщую виновность суть жалобы на всеобщую порчу человѣческой природы.

Спаситель, бесѣдуя съ Никодимомъ говоритъ, что безъ возрожденія свыше нельзя войти въ Царствіе Божіе (Іоан. III, 3), и показываетъ тому причину въ томъ, что рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ духа есть духъ. Это означаетъ, что отъ человѣка разстроеннаго грѣхомъ можетъ родиться только человѣкъ грѣшный, съ сла-

бостями, съ расположеніями испорченными и безъ сѣмени Божія (1 Іоан. III, 9). Значитъ, всѣ люди по самому естеству своему подвержены нравственной нечистотѣ и эта нечистота переходитъ путемъ самаго рожденія. *Аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣстъ въ насъ* (1 Іоан. I, 8). Когда книжники и фарисеи привели къ Спасителю грѣшницу, ятую въ прелюбодѣяніи, Онъ говоритъ обвинителямъ: *кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый броситъ на нее камень* (Іоан. VIII, 7, 9). Слѣдовательно, по суду Самого Господа нѣтъ безгрѣшныхъ людей на землѣ.

Въ посланіи къ Римлянамъ апостолъ Павелъ говоритъ, что въ каждомъ изъ насъ есть наклонность грѣшить (Рим VII, 17, 20), и эту наклонность ко грѣху, явившуюся во всѣхъ людяхъ по дѣйствію одного, апостолъ считаетъ не случайнымъ и преходящимъ, но постоянно живущимъ въ насъ, живущимъ во плоти (ст. 18), въ членахъ (ст. 23) и наконецъ остающимся въ человѣкѣ до самой смерти. Эта наклонность ко грѣху такъ сильна въ человѣкѣ, что онъ и тогда, когда знаетъ добро

и желаетъ добра—все-таки творитъ злое (Рим. VII, 15—23). Ученіе о порчѣ, перешедшей отъ Адама на всѣхъ людей, Церковь всегда принимала за истину непреложную. Другъ Іова, Елифазъ, показывая Іову, что ненадобно возмущаться бѣдствіями своими и праведнику, говоритъ: *кто изъ человѣковъ непороченъ? И рожденный женою можетъ ли быть правъ?* (Іова XV, 14). Называя рожденнаго женою неправымъ, Елифазъ показываетъ, что самое рожденіе человѣка совершается во грѣхѣ. Писатель Книги Премудрости учитъ, что люди суетны естественно (XIII, 11) и злы (XII, 10).

Исторія показываетъ намъ всѣхъ людей во всѣ времена и во всѣхъ возрастахъ въ худомъ положеніи. Мудрые люди всѣхъ временъ жаловались на преобладающее расположеніе людей ко злу, таковы Платонъ, Овидій, Сенека, Горацій и Цицеронъ. Въ религіяхъ древнихъ слышны тѣ же жалобы, и сверхъ того зло производится тамъ изъ паденія первыхъ людей. Такъ, въ *китайской* книгѣ написано: „человѣкъ теперь уже не имѣетъ того, что имѣлъ прежде паденія своего, и онъ подвергъ бѣдѣ всѣхъ потомковъ своихъ“. Въ *индѣйской* Упне-

хатѣ читаютъ: „вмѣстѣ съ рожденіемъ младенца появляется дурость и недостатокъ знанія; потомъ великое имя Божіе забыто, въ дѣло вмѣшивается чистое и злое.“ Послѣдняго не можетъ не одобрить и размышляющій разумъ. Если зло было всегда всеобщимъ, то оно должно имѣть одно общее начало, одного прародителя, отъ котораго и развилось по всѣмъ поколѣніямъ.

Апостолъ Павелъ представляетъ наслѣдственную порчу природы нашей живымъ началомъ грѣховныхъ дѣйствій, которое съ первой минуты обнаруженія въ человѣкѣ жизни производитъ въ немъ противозаконныя движенія (Рим. VII, 17, 23) и составляетъ осужденіе, перешедшее черезъ Адама на всѣхъ людей (Рим. V, 18, 19). Тотъ же апостолъ говоритъ, что всѣ мы по естеству *чада гнѣва* (Ефес. II, 3), и тѣмъ показываетъ, что въ чистой богосозданной природѣ человѣческой произведено отступленіе отъ порядка Божія, произведено разстройство въ дѣлѣ Божіемъ, разстройство, которое по свойству своему не можетъ быть предметомъ благоволенія Божія, а должно быть, по требованію правды Божіей, предметомъ гнѣва Божія. Слѣ-

довательно, по сему суду апостола первымъ основаніемъ вмѣненія грѣха Адамова потомкамъ Адамовымъ служитъ то, что, по нарушеніи Адамомъ заповѣди Божіей, явился грѣхъ съ своими послѣдствіями не въ личной только жизни Адама, но въ жизни природы человѣческой, въ жизни человѣчества, сосредоточеннаго въ Адамѣ.*

Если же вслѣдствіе наслѣдственной порчи съ самаго начала развитія въ насъ жизни начинаются отступленія отъ закона Божія и въ помыслахъ, и въ ощущеніяхъ и въ желаніяхъ нашихъ, въ чемъ всякій можетъ удостовѣряться собственнымъ опытомъ надъ собою, то наслѣдственная порча уже не есть только болѣзнь, но и природа наша. Но такъ какъ жизнь человѣческая отличена отъ жизни низшихъ твореній Божіихъ высокимъ преимуществомъ свободы, которой не уничтожила и вошедшая въ насъ порча, и которая раскрывается вмѣстѣ съ раскрытіемъ жизни, то это показываетъ, что наслѣдственный грѣхъ господствуетъ въ насъ не безъ зависимости отъ нашей свободы; и, слѣдовательно,

Филаретъ, архіепископъ черниговскій: Православное догматическое богословіе. 1865, ч. I, стр. 372—373.

онъ можетъ вмѣняться намъ какъ грѣхъ, въ собственномъ смыслѣ понимаемый. Въ этомъ случаѣ степень вмѣненія зла наслѣдственнаго будетъ соразмѣряться со степенью участія въ немъ нашей свободы, какъ это и показываетъ Откровеніе* (Матѳ. XIX, 14).

XI

Что такое зло—это для насъ непонятно, какъ никогда не будетъ понятна для медика-философа смерть. Матеріалисты говорятъ, что смерть есть „разложеніе тѣла и изсушеніе соковъ", и думаютъ, что рѣшили вопросъ о причинѣ смерти, тогда какъ показали только одно дѣйствіе и процессъ смерти. И еслибы смерть была только однимъ разрушеніемъ, то, по словамъ Сократа, выиграли бы больше другихъ злодѣи, освободясь отъ тѣла, души и пороковъ. Смерть какъ и зло—есть тайна, которую объясняетъ намъ одно только Откровеніе.

Нравственное зло—есть дѣло свободы человѣка, и зло міра не налагаетъ нареканія на Про-

* Ibid, 374.

мыслъ Божій, будучи слѣдствіемъ злоупотребленія свободы. Богъ попускаетъ зло, такъ какъ возможность грѣха неотдѣлима отъ свободы человѣка и не исключаетъ распоряженій Промыслителя. Ничего въ мірѣ не совершается безъ Промысла Божія, говоритъ церковный писатель Оригенъ. Многое бываетъ безъ воли Его и ничто безъ Промысла (Hom. in Gen. 3, 2).

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что значительное число происходящихъ въ мірѣ золъ есть дѣло личной слабости и недальновидности людей. Но несомнѣнно также и то, что зло не есть одно отрицаніе добра, какъ думаютъ нѣкоторые, а есть понятіе положительное, существующее независимо отъ нашей воли и чувствъ. Еслибы зло было только отрицаніемъ добра, то не было бы различія между грѣхами, и тогда созрѣвшій въ грѣхѣ не творилъ бы грѣховъ болѣе тяжкихъ, чѣмъ неискусившійся во злѣ. На самомъ же дѣлѣ зло, будучи явленіемъ самостоятельнымъ, имѣетъ своимъ главнымъ виновникомъ діавола, ибо *всякій творящій грѣхъ отъ діавола есть, яко исперва діаволъ согрѣшаетъ* (1 Іоан. III, 8), котораго св. Писаніе

называетъ то властителемъ смерти (Евр. II, 14), то звѣремъ и древнимъ зміемъ, обольщающимъ вселенную (Апок. XII, 9; XIII, 15; XX, 2), то человѣкоубійцей отъ созданія міра (Іоан. VIII, 44).

Это невидимое существо и есть начальная причина всей печальной исторіи человѣчества, есть тотъ истинный виновникъ погибели людей, который въ образѣ змія хитростью и коварствомъ прельстилъ невинную душу Евы и испортилъ ее (2 Кор. XI, 3), а черезъ нее Адама и весь родъ человѣческій.

Мы дошли теперь до главнаго виновника войнъ, революцій, междоусобія, вражды и народныхъ бѣдствій и потрясеній, потому что остальныя двѣ причины грѣховъ, соблазны міра и собственные наши недостатки (1 Іоан. II, 16)—имѣютъ въ этомъ случаѣ хотя и важное, но все-таки второстепенное значеніе.

XII

Первымъ реальнымъ слѣдствіемъ грѣха или что то же воздѣйствіемъ на человѣка діавола было то, что Каинъ, заведши Авеля въ пустынное мѣсто,

изъ ненависти къ брату убиваетъ его (Быт. IV, 8—9). Мѣстомъ убійства Каинъ избираетъ поле, разумѣется съ тою цѣлью, чтобы удобнѣе привести въ исполненіе свой замыселъ и не дать Авелю возможности защититься или быть защищеннымъ другимъ, значитъ убиваетъ брата хитростью и обманомъ.

Послѣ потопа, давая свое благословеніе Ною и охраняя безопасность жизни общественной, Богъ далъ особенный законъ касательно преступленія человѣкоубійства. Онъ сказалъ, что Онъ самъ отыщетъ преступника, *который избѣжитъ суда человѣческаго,* и самое животное за человѣкоубійство подвергнетъ одинаковой казни съ человѣкомъ (Быт. IX, 5—6). Давши черезъ Моисея опредѣленную заповѣдь „не убій", Богъ со всею строгостью возвѣщаетъ смертное наказаніе за человѣкоубійство. *Аще кто кого ударитъ, и умретъ, смертію да умретъ той. Аще кто преложитъ ближняго своего умертвити лестію, и прибѣгнетъ къ алтарю, отъ алтаря Моего да возмеши его умертвити* (Исх. XX, 13, 21).

Всякій понимаетъ, что рѣшеніе суда человѣческаго потому только и можетъ быть грознымъ

и существеннымъ, что есть особенные люди, которые приведутъ рѣшеніе суда въ исполненіе. Преступникъ закона боится вовсе не суда, а исполнителей приговора суда, которые съ оружіемъ въ рукахъ заставятъ его выполнить то наказаніе, которое наложитъ на него судъ. Слѣдовательно, установленная Богомъ власть страшна злодѣямъ не сама по себѣ, но какъ опирающаяся на совокупную силу послушнаго ей до смерти воинства, которое злодѣевъ обезоружитъ, будетъ стеречь ихъ въ мѣстѣ заключенія и препроводитъ до мѣста наказанія, претерпѣвая при этомъ вмѣстѣ съ злодѣями и жару, и стужу, и жажду, и голодъ, и тысячи лишеній въ пустыняхъ, горахъ и пропастяхъ земныхъ, какъ отъ злыхъ людей и звѣрей, такъ и при конвоированіи по рѣкамъ, озерамъ, морямъ и океанамъ, и въ довершеніе всего подвергая жизнь опасности въ самыхъ подземныхъ вертепахъ каторжныхъ работъ, гдѣ воины часто погибаютъ отъ взрыва газа или заваливаются землей вмѣстѣ съ преступниками.

Законъ Божій касательно наказанія злодѣевъ мечемъ такъ положителенъ, что черезъ пророка Іеремію онъ налагаетъ проклятіе на всѣхъ *кто*

удерживаетъ мечъ Его отъ крови (Иерем. XLVIII, 10). Установленная въ государствѣ власть признается словомъ Божіимъ или въ похвалу и поощреніе дѣлающимъ добро или *во отмщеніе злодѣямъ* (1 Петр. II, 13—14). Апостолъ Павелъ со всею ясностію учитъ о законности ношенія оружія лицами начальствующими. *Начальникъ*, говоритъ онъ, *не напрасно носитъ мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое* (Рим. XIII, 4).

Св. Григорій Богословъ, признанный Церковью за вселенскаго учителя, наставляя свою паству повиноваться властямъ предержащимъ, требуетъ отъ нея не дѣлать закона ненавистнымъ и дѣлая зло *не доводитъ себя до меча;* но очищаясь страхомъ, заслуживать похвалу отъ власти (въ р. пер. т. II: Слово 17, стр. 93).

Дабы имѣть возможность силою приводить къ порядку и къ повиновенію людей злыхъ и защитить свое государство отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, Верховная власть въ государствѣ имѣетъ право содержать армію (1 Цар. VIII, 11—12) и силою оружія защищать права своихъ поддан-

ныхъ противъ насилія, грабежей, разбоевъ и несправедливостей. Дѣйствіе въ такихъ случаяхъ мечемъ не только оправдывается естественнымъ разумомъ человѣка, но не запрещается и словомъ Божіимъ, которое даетъ намъ разумѣть въ подобномъ дѣйствіи меча проявленіе Божіяго правосудія противъ всѣхъ попирающихъ истину и Законъ Божій и человѣческій (Лук. XIX, 43—44; XXI, 9, 20—24; Матѳ. XXIV, 6—13, 20—22, 28; Пс. XVII, 8—16; 4 Цар. XVIII, 9—12), и какъ отмщеніе дѣлающимъ беззаконіе (1 Петр. II, 13—14).

Такимъ образомъ и слово Божіе и естественный разумъ человѣка требуютъ отъ человѣка, чтобы онъ противосталъ злу, сначала мѣрами духовнаго воздѣйствія, а гдѣ эти мѣры окажутся недѣйствительными, то и силою оружія. Что духовное воздѣйствіе на людей съ преступною волею, и для неищущихъ истины безполезно, это было недавно засвидѣтельствовано вторымъ миссіонерскимъ съѣздомъ въ Москвѣ, состоявшимъ изъ 140 депутатовъ, по суду коего мѣры духовнаго воздѣйствія на подобныхъ людей прямо признаны немыслимыми (Моск. Вѣд. 1891, № 181).

Гласнымъ рѣшеніемъ такого компетентнаго суда, каковъ миссіонерскій, вполнѣ удостовѣрена необходимость въ борьбѣ со зломъ воздѣйствія гражданской власти, или, что то же—силы оружія. Негуманно доказывать заблужденіе человѣку профанирующему дѣло Божіе и прикрывающемуся имъ для своихъ преступныхъ политическихъ цѣлей, какова напримѣръ наша южно-русская штунда, въ борьбѣ съ которой могутъ быть употреблены не мѣры духовнаго убѣжденія, а единственно только оружіе, и не для того, чтобы приводить имъ отпадшихъ къ Церкви, а для того чтобы ограждать вѣрующихъ отъ соблазновъ и совращенія. *Уже и сѣкира при корнѣ деревъ лежитъ; всякое древо неприносящее добраго плода отсѣкается* (Матѳ. III, 10).

—⊷—

XIII

Новые проповѣдники о „непротивленіи злу", во главѣ съ графомъ Толстымъ, зашли въ своихъ лжемудрованіяхъ очень далеко, и заповѣди Божіей

о терпѣніи обидъ и объ отреченіи отъ возмездія противъ іудейской любомстительности дали совершенно вольное и своеобразное толкованіе, исказивъ основные духовные законы Спасителя, въ которыхъ, не понявши ихъ духа, превратили ихъ въ мертвую букву, могущую послужить къ подавленію добродѣтели и къ торжеству зла. Между тѣмъ заповѣдь Господа о терпѣніи обидъ никогда, по духу ученія Христова, не исключала общественныхъ мѣръ къ прекращенію зла и наказанія дѣлающихъ зло, и не только общественныхъ, но и частныхъ, личныхъ усилій и заботъ каждаго человѣка о поддержаніи правды, о защищеніи отъ притѣснителей и о прекращеніи для злонамѣренныхъ возможности вредить другимъ. Любовь христіанина должна быть подобна любви Божіей, но любовь Божія ограничиваетъ и наказываетъ зло; и любовь христіанина должна терпѣть зло только въ той мѣрѣ, въ какой оно остается болѣе или менѣе *безвреднымъ для славы Божіей и для спасенія ближняго;* за этими предѣлами зло уже не можетъ быть терпимо и ему необходимо противостать силою оружія, что и возлагается на начальство (Рим. XIII, 1—4).

Попытки такого же истолкованія положенія— не противься злу—съ какимъ выступилъ графъ Толстой, были въ средѣ христіанъ еще во времена блаженнаго Августина, слѣдовательно почти полторы тысячи лѣтъ тому назадъ. Тогда нѣкій Публикола обращался къ блаженному Августину съ слѣдующими вопросами: „Если христіанину угрожаетъ опасность быть убитымъ отъ варвара или римлянина, то можетъ ли онъ для спасенія своей жизни убить нападающаго? Или, даже не убивая нападающаго, можетъ ли отогнать его и сражаться съ нимъ въ виду заповѣди, которая гласитъ: не противься злу?"

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, великій западный учитель Церкви разъяснилъ, что онъ не одобряетъ убіенія другихъ въ самозащитѣ, если только самозащищающійся не воинъ или не должностной человѣкъ, дѣйствующій не ради себя, а въ защиту другихъ, и что когда люди посредствомъ устрашенія ихъ не допускаются до совершенія зла, то имъ, можно сказать, оказывается истинная услуга. „Правило—не противься злу—было дано для того, чтобы воспрепятствовать намъ услаждаться мщеніемъ, въ которомъ душа удовлетворяется страданіемъ дру-

гихъ, а не для того, чтобы дать намъ поводъ пренебрегать обязанностью воздержанія людей отъ зла".*

Господь Самъ, когда Его ударили въ ланиту, сказалъ оскорбившему: *что ты Меня бьешь?* (Іоан. XVIII, 23), и заповѣдывалъ ученикамъ Своимъ спасаться отъ притѣсненій бѣгствомъ. Святый апостолъ Павелъ, послѣ оказанныхъ ему различныхъ несправедливостей, вмѣсто того чтобы безропотно страдать, обращается за судомъ къ Римскому Императору Кесарю (Дѣян. XXVIII, 19), и первосвященнику Ананіи, велѣвшему бить его, отвѣчаетъ съ укоризною, называя его „стѣною подбѣленою" (Дѣян. XXIII, 2—3).

Во второй Маккавейской книгѣ читаемъ: Величайшій полководецъ Іуда Маккавей, изыскивая средство спасти Церковь Божію и народъ свой отъ нашествія и звѣрства Антіоха, увидѣлъ однажды въ видѣніи первосвященника Онію, мужа честнаго и добраго, почтеннаго видомъ, кроткаго нравомъ, пріятнаго въ рѣчахъ, издѣтства ревностно усвоившаго все, что касалось добродѣтели, и видѣлъ, что онъ, простирая руки, молится за весь народъ

* Творенія бл. Августина: Ер. XLVII къ Публиколѣ.

Іудейскій. Потомъ явился другой мужъ, украшенный сѣдинами и славою, окруженный дивнымъ и необычайнымъ величіемъ. И сказалъ Онія: это братолюбецъ, который много молится о народѣ и святомъ городѣ, Іеремія, пророкъ Божій. Тогда Іеремія простерши правую руку, далъ Іудѣ Маккавею золотой мечъ и, подавая его, сказалъ: *возьми этотъ святой мечъ, даръ отъ Бога, которымъ ты сокрушишь враговъ* (2 Мак. XV, 12—17).

Если для разъясненія вопроса о войнѣ вы обратитесь къ Церковной Исторіи, то на скрижаляхъ св. вѣры найдете немало славныхъ именъ, могущихъ послужить достойными образцами для оправданія воинства и дѣла его.

Къ Греческому Императору Константину пришли какъ-то сарацинскіе мудрецы и сказали ему:

— Христосъ есть Богъ вашъ, для чего же вы не поступаете такъ, какъ Онъ повелѣваетъ вамъ? Онъ заповѣдывалъ вамъ молиться за враговъ, добро творить ненавидящимъ и гонящимъ васъ, біющимъ въ ланиту обращать другую: а вы что дѣлаете? Если кто обидитъ васъ, изощряете оружіе, исходите на брань, убиваете?

На это Императоръ Константинъ отвѣчалъ:

—Если въ законѣ будутъ написаны двѣ заповѣди, то который человѣкъ будетъ совершенный хранитель закона: тотъ ли кто исполняетъ одну, или тотъ, кто исполняетъ обѣ заповѣди?

И когда Агаряне указали на втораго, Императоръ продолжалъ:

— Христосъ Богъ нашъ, повелѣвшій намъ молиться за обидящихъ насъ и имъ благотворить, сказалъ также, что большей любви никто изъ насъ въ жизни сей явить не можетъ, развѣ кто положитъ душу за друзей своихъ. Мы великодушно терпимъ обиды, причиняемыя намъ какъ частнымъ людямъ, но въ обществѣ другъ друга защищаемъ, жертвуя своею жизнію, чтобы вы, плѣнивъ нашихъ согражданъ, вкупѣ съ тѣломъ не плѣнили и душъ ихъ, принудивъ къ богопротивнымъ дѣяніямъ. Наши Христолюбивые воины, съ оружіемъ въ рукахъ, охраняютъ св. Церковь, гдѣ Спаситель міра присутствуетъ невидимо; охраняютъ Государя, въ священной особѣ коего почитаютъ власть и силу Царя небеснаго; охраняютъ отечество, съ разрушеніемъ котораго неминуемо падетъ отечественная власть

и поколеблется Евангельская вѣра. Вотъ драгоцѣннѣйшіе залоги, за которые до послѣдней капли крови должны сражаться воины; и если они на полѣ брани положатъ души свои—Церковь причисляетъ ихъ къ лику святыхъ мучениковъ и нарицаетъ молитвенниками предъ Богомъ о спасеніи ихъ отечества.*

Θеодосій Великій въ войнѣ съ Евгеніемъ, Аргобастомъ и Флавіаномъ, утомленный наканунѣ битвы отъ молитвы и колѣнопреклоненія заснулъ, и въ сновидѣніи увидѣлъ двухъ витязей, ѣдущихъ на бѣлыхъ коняхъ, которые, ободряя его къ сраженію и обѣщая успѣхъ въ битвѣ, сказали что они апостолы Христовы Іоаннъ Богословъ и Филиппъ, посланные отъ Бога шествовать передъ его знаменами и показать воинамъ его путь къ побѣдѣ... Война эта, какъ извѣстно, окончилась побѣдою Императора Θеодосія.**

Изъ Исторіи Русской Церкви извѣстно напримѣръ, какое горячее участіе принимали въ бранномъ дѣлѣ святые люди и православное духовенство.

* Училище Благочестія, т. II, стр. 14.
** Тамъ же,. стр. 118.

Такъ, Сергій преподобный благословилъ на бой съ Мамаемъ Димитрія Донскаго, и, какъ залогъ участія его обители въ дѣлѣ сверженія татарскаго ига, далъ ему въ помощь своихъ двухъ лучшихъ иноковъ—Пересвѣта и Ослябу. Преподобный во время самаго боя не переставалъ молиться, видѣлъ издалека своими духовными очами побѣду Димитрія Донскаго и прославилъ Бога.

Во времена святителя Іоны, митрополита Московскаго, татары часто вторгались въ наши предѣлы, и при успѣхѣ заставляли смиряться Великаго Князя и даже платить ордынскую дань. Чтобы успѣшнѣе отражать ихъ набѣги, Великій Князь нуждался въ помощи отъ другихъ русскихъ князей. И вотъ святой Іона для возбужденія ихъ къ тому иногда слалъ къ нимъ свои пастырскія грамоты, а иногда отправлялъ своихъ пословъ, какъ напримѣръ къ князю Ивану Андреевичу коломенскаго владыку Геронтія; а иногда убѣждалъ мѣстныхъ епископовъ ходатайствовать о томъ предъ своими князьями. Такъ, по случаю похода Великаго Князя Василія Васильевича на Казанскихъ татаръ св. Іона писалъ (1451—1452 г.) тверскому епископу

Илiи: „Благословляю тебя, моего сына о Св. Духѣ, чтобы ты, по своему святительскому долгу, говорилъ, билъ челомъ и твердо докучалъ Великому Князю Борису Александровичу, чтобъ послалъ онъ къ Великому Князю Василiю Васильевичу своихъ воеводъ на тѣхъ безбожныхъ съ своими многими людьми за святыя церкви Божiи и за все православное христiанство...

Вѣрую Христу, моему Владыкѣ, что кому случится изъ православныхъ умереть на той брани, тѣ пострадаютъ за святыя церкви Божiи и за все православное христiанство и, подобно древнимъ мученикамъ, восприимутъ отъ Христа вѣнецъ мученiя".

Еще болѣе св. Iона подкрѣплялъ оружiе Великаго Князя своими пламенными молитвами.

Въ 1451 году нагайскiй царевичъ Мозовша вторгнулся въ Россiю и 2го iюля приблизился къ Москвѣ и зажегъ ея посады. Сильный вѣтеръ гналъ на Кремль облака дыма и угрожалъ ему пожаромъ. Тогда святитель Iона со всѣмъ священнымъ соборомъ, при безчисленномъ стеченiи народа, началъ совершать по стѣнамъ города крестный ходъ, и

вѣтеръ внезапно утихъ. Въ наступившую ночь враги бѣжали отъ Москвы.*

Когда татарскій ханъ Ахматъ въ 1480 году двинулся со всею ордою въ предѣлы Россіи, и между русскими боярами нашлись такіе, которые совѣтовали Іоанну Васильевичу не сражаться съ страшнымъ врагомъ, а лучше удалиться въ какія либо безопасныя мѣста, митрополитъ Геронтій, съ ростовскимъ архіепископомъ Вассіаномъ и вообще со всѣмъ духовенствомъ, болѣе всѣхъ старался противодѣйствовать этимъ малодушнымъ совѣтамъ и возбудить Великаго Князя на борьбу съ татарами, чувствуя что настать рѣшительный часъ свергнуть поносное иго съ Отечества. Благословляя Великаго Князя на войну съ Ахматомъ, митрополитъ напутствовалъ его слѣдующими словами: „Богъ да сохранитъ царство твое силою своего честнаго Креста и дастъ тебѣ побѣду на враговъ молитвами Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ. Только мужайся и крѣпись, сыне духовный, какъ добрый воинъ Христовъ. Господь сказалъ: пастырь добрый

* Митрополитъ Макарій: Исторія Русской Церкви, т. VI, стр. 33—35.

душу свою полагаетъ за овцы, а наемникъ, видя волка грядущаго, оставляетъ овецъ и убѣгаетъ... Ты, государь, не какъ наемникъ, но какъ истинный пастырь, потщись избавить врученное тебѣ словесное стадо Христовыхъ овецъ отъ грядущаго нынѣ волка. А Господь Богъ укрѣпитъ тебя и поможетъ тебѣ и всему твоему христолюбивому воинству". Все духовенство сказало при этомъ: Аминь.

Постоянно подкрѣпляя воеводъ и войско мужественно встрѣтить врага, митрополитъ Геронтій писалъ Іоанну Васильевичу отъ лица всѣхъ епископовъ, всего духовенства: „Мы всѣ благословляемъ тебя, великаго государя Русскихъ земель, и молимъ Господа Бога и Пречистую Богоматерь о тебѣ, и о твоемъ сынѣ, и о твоихъ братіяхъ, и о всѣхъ вашихъ князьяхъ, боярахъ, воеводахъ и христолюбивомъ воинствѣ, да подкрѣпитъ Онъ васъ постоять мужественно за святыя церкви Русской земли и за нашу чистую, православную вѣру, и да пошлетъ вамъ на помощь воеводу небесныхъ силъ, архистратига Михаила. И надѣемся, что Онъ покоритъ супостатовъ подъ ноги ваши, молитвами великихъ святителей и чудотворцевъ Петра, Алексія и Леон-

тія и преподобныхъ Сергія, Варлаама и Кирилла, и сродника нашего св. старца, Александра Невскаго... А если кому изъ ополченія вашего случится быть убитымъ на той брани за святыя церкви и за людей православныхъ, тотъ воспріиметъ второе крещеніе мученическое, и своею кровію омоетъ душу свою отъ грѣховъ, и удостоится отъ праведнаго Судіи небеснаго царствія и блаженства съ мучениками"...

Хотя это посланіе и отправлено было къ Іоанну по окончаніи брани, когда Ахматъ былъ уже разбитъ и бѣжалъ со своею ордою (посланіе написано въ Москвѣ 13 ноября, а Ахматъ бѣжалъ 11 ноября), но во всякомъ случаѣ, прибавляетъ историкъ, въ дѣлѣ окончательнаго освобожденія Россіи изъ-подъ ига татарскаго русское духовенство принимало самое горячее и самое благодѣтельное участіе.*

Извѣстно также, какимъ высокимъ патріотическимъ примѣромъ отличалась дѣятельность православнаго духовенства въ смутныя времена самозванца и польскаго короля Сигизмунда, когда во главѣ

* Митрополитъ Макарій: Исторія Русской Церкви, т. VI, стр. 74.

этого движенія, въ борьбѣ за неприкосновенность православной вѣры и своего законнаго государя Василія Ивановича Шуйскаго, стоялъ патріархъ Московскій Гермогенъ, „мужъ, какъ называли его современники, зѣло премудростію украшенный“, „изящный въ книжномъ ученіи и въ чистотѣ житія своего“, „непобѣдимый стоятель и крѣпкій противъ враговъ“, „столпъ и твердый адамантъ православной христіанской вѣры“, „новый исповѣдникъ и второй великій Златоустъ“, „грозный обличитель предателей и разорителей святыни“.

Когда русское ополченіе изъ городовъ въ числѣ 100.000 человѣкъ подошло къ Москвѣ освободить ее отъ поляковъ, въ это время къ заключенному подъ стражу въ Чудовомъ монастырѣ патріарху Гермогену явились приверженецъ короля Сигизмунда бояринъ Салтыковъ и начальникъ польскихъ войскъ Гонсѣвскій и сказали Гермогену: „Вели ратнымъ людямъ, стоящимъ подъ Москвою, идти прочь; а если не послушаетъ насъ, мы велимъ уморить тебя злою смертію“.

На это патріархъ Гермогенъ отвѣчалъ:

— Что вы мнѣ угрожаете? Боюсь одного Бога.

Если всѣ вы литовскіе люди, пойдете изъ Московскаго государства, я благословлю русское ополченіе идти отъ Москвы; но если останетесь здѣсь—я благословлю всѣхъ стоять противъ васъ и помереть за православную вѣру.

Болѣе девяти мѣсяцевъ томился доблестный іерархъ въ своемъ тяжкомъ заточеніи, и 17го января 1612 года скончался насильственною смертію.*

Такимъ образомъ великій первосвятитель Русской Церкви не только не считалъ ратное дѣло преступнымъ, въ томъ случаѣ, когда оно оберегало православныхъ отъ совращенія въ полонизмъ и отъ темныхъ силъ іезуитовъ съ ихъ замыслами ввести въ Россію латинство, а равно охраняло священную особу его законнаго Государя Шуйскаго, но правоту его даже запечатлѣлъ своею мученическою кровію...

Но великое дѣло, за которое съ такою пламенною ревностію и несокрушимымъ мужествомъ стоялъ и умеръ великій патріархъ Гермогенъ, съ нимъ не умерло, но скоро доведено было до счастливаго окончанія.

---

* Митрополитъ Макарій: Исторія Русской Церкви, т. X, стр. 155—156.

Какъ только разнеслась вѣсть, что Москва сожжена и разорена поляками и измѣнниками, что патріархъ заключенъ ими подъ стражу, обитель преподобнаго Сергія, еще недавно выдержавшая такую продолжительную осаду отъ враговъ, возвысила свой голосъ на всю Россію и стала во главѣ народнаго движенія. Настоятелемъ лавры былъ тогда архимандритъ Діонисій, который съ келаремъ лавры Авраамiемъ Палицынымъ и всею братіею начали разсылать по городамъ, одну за другою, свои грамоты, исполненныя глубокаго патріотизма, и извѣщая соотечественниковъ объ участи, постигшей первопрестольный градъ и патріарха Гермогена, призывали всѣхъ возстать единодушно за св. вѣру и отечество противъ враговъ. Такихъ грамотъ извѣстно три, и всѣ онѣ въ основныхъ чертахъ дословно сходны между собою и разнятся только нѣкоторыми историческими частностями. Грамоты начинались такъ: „Праведнымъ судомъ Божіимъ, за умноженіе грѣховъ всего православнаго христіанства, въ прошлыхъ годахъ учинилось въ Московскомъ государствѣ междоусобіе, не только вообще между народомъ христіанскимъ, но и между близ-

кими родственниками, отецъ возсталъ на сына, сынъ на отца, и пролилась родная кровь".

Сказавъ затѣмъ довольно подробно, что нашлись предатели, каковы Михайла Салтыковъ, Өедоръ Андроновъ и ихъ совѣтники, которые приложились къ вѣчнымъ врагамъ православнаго христіанства, польскимъ и литовскимъ людямъ, впустили ихъ въ Москву, сожгли, вмѣстѣ съ ними, столицу, истребили множество жителей, разорили церкви, поругались святынѣ, низвергли съ престола патріарха Гермогена, и что, въ виду такого страшнаго разоренія, уже многіе православные изъ разныхъ городовъ подвиглись со своими ратями къ Москвѣ, чтобы не до конца погибла православная вѣра, преподобный Діонисій убѣждалъ и тѣхъ, къ кому слалъ посланіе, чтобы они также спѣшили съ своею помощію къ Москвѣ, для освобожденія ея отъ враговъ, и говорилъ: „вспомните, православные, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатью, св. Крещеніемъ, обѣщались вѣровать въ св. единосущную Троицу, и, возложивъ упованіе на силу животворящаго Креста, Бога ради покажите свой подвигъ, *молите своихъ служи-*

*лыхъ людей,** чтобъ всѣмъ православнымъ христіанамъ быть въ соединеніи и стать сообща противъ нашихъ предателей и противъ вѣчныхъ враговъ Креста Христова, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите, сколько они погубили христіанъ во всѣхъ городахъ, которыми завладѣли, и какое разореніе учинили въ Московскомъ государствѣ. Гдѣ св. Божіи церкви и Божіи образы? Гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, и инокини добродѣтелями украшенныя? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Гдѣ вообще народъ христіанскій? Не всѣ ли скончались лютыми и горькими смертями? Гдѣ безчисленное множество работныхъ людей въ городахъ и селахъ? Не всѣ ли пострадали и разведены въ плѣнъ? Не усрамились и сѣдинъ многолѣтнихъ старцевъ и незлобивыхъ младенцевъ. Смилуйтесь передъ общею смертною погибелію, чтобъ и васъ не постигла такая же лютая смерть. *Пустъ ваши служилые люди безъ всякаго мѣшканья спѣшатъ къ Москвѣ,* въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу надлежитъ одно время,

* Въ посланіи вездѣ курсивъ нашъ.

безвременное же всякому дѣлу начинаніе бываетъ суетно и безплодно. Если и есть въ вашихъ предѣлахъ недовольные, Бога ради отложите то на время, чтобъ всѣмъ вамъ единодушно потрудиться для избавленія православной вѣры отъ враговъ, пока къ нимъ помощь не пришла. Смилуйтесь и умилитесь и поспѣшите на это дѣло; *помогите ратными людьми* и казною, чтобъ собранное теперь здѣсь подъ Москвою воинство отъ скудости не разошлось. О томъ много и слезно, всѣмъ народомъ христіанскимъ, бьемъ вамъ челомъ".

Грамоты, разсылавшіяся изъ лавры, производили, по словамъ историка, глубокое впечатлѣніе. И грамоты эти писались настоятелемъ лавры, *нынѣ святымъ человѣкомъ,* который въ обращеніи своемъ къ воинству признавалъ за нимъ столь высокое христіанское и государственное значеніе... Со слезами молилъ воинство преподобный Діонисій оказать ратную помощь въ трудную годину народнаго бѣдствія. И услышало эти святыя слезы русское воинство, которое въ лицѣ нижегородцевъ первое двинулось на спасеніе Отечества, имѣя во главѣ двухъ доблестныхъ мужей: земскаго старосту Козьму

Минина Сухорукаго и князя Димитрія Михайловича Пожарскаго. За нижегородцами послѣдовали другіе, и къ Москвѣ со всѣхъ сторонъ двинулись русскія ополченія. Авраамій Палицынъ постоянно находился среди войскъ, и своими рѣчами примирялъ, вразумлялъ и воодушевлялъ воиновъ. 22 октября 1612 года взятъ былъ Китай-городъ, и осажденные въ Кремлѣ принуждены были сдаться, а 27 ноября Москва была совершенно освобождена отъ поляковъ и измѣнниковъ.*

Такъ относились къ воинству и военному дѣлу св. люди и патріархъ Гермогенъ, имя котораго, по словамъ митрополита Макарія, должно остаться безсмертнымъ въ исторіи Россіи и Русской Церкви, потому что никто ревностнѣе, мужественнѣе и непоколебимѣе его не стоялъ за ту и другую; онъ спасъ ихъ въ самую критическую минуту ихъ жизни, когда имъ угрожала крайняя опасность подпасть подъ власть Польши и іезуитовъ и потерять свою самобытность.

* Митрополитъ Макарій: Исторія Русской Церкви, т. X, стр. 160—163.

Съ неменьшимъ уваженіемъ и симпатіею относились къ воинству и послѣдующіе новоявленные угодники Божіи, видѣвшіе въ немъ прочный залогъ огражденія Церкви отъ опасностей враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, а равно и залогъ государственной мощи, порядка и безопасности націи. Всѣ они единогласно пророчатъ воинству вѣнецъ мученическій, когда оно отдаетъ жизнь свою на благо Церкви и Государства, и всѣ съ похвалою отзываются о бранныхъ подвигахъ какъ цѣлыхъ отрядовъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ.

Вотъ напримѣръ какое описаніе дѣлаетъ Куликовской битвѣ св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій: „Закипѣла битва кровавая, говоритъ онъ, заблестѣли мечи острые, какъ молніи, затрещали копья, полилась кровь богатырская подъ сѣдлами, покатились шлемы золоченые подъ ноги конскія, а за шлемами и головы богатырскія"...*

Согласитесь, что такое описаніе битвы, если-бы она, какъ это думаютъ наши современные мудрецы, была сплошнымъ преступленіемъ, было бы

* Іеромонахъ Никонъ: Житіе и подвиги преподобнаго Сергія Радонежскаго, стр. 153.

невозможно для угодника Божія, нетлѣнныя мощи котораго лобызаютъ православные люди...

Въ твореніяхъ церковныхъ писателей первыхъ четырехъ вѣковъ какъ Западной такъ и Восточной Церкви мы встрѣчаемъ то же нравственное отношеніе къ воинству, и если нѣкоторые изъ нихъ, какъ Оригенъ и Тертулліанъ (Contra Celsum V, 33; VII, 36; VIII, 73—75; De Idolatria 19; De corona militis 11) и высказывались въ смыслѣ несовмѣстимости войны съ христіанскимъ ученіемъ, то несомнѣнно потому, что Церковь къ тому времени не успѣла еще точно и окончательно установить своихъ отношеній къ государству какъ къ органу соціально-политической жизни, когда даже догматическая часть ея ученія еще не всѣми одинаково сознавалась и формулировалась канонически. Такъ, напримѣръ, тотъ же писатель Оригенъ впалъ въ догматическое заблужденіе будто прародительскій грѣхъ совершенно затмилъ и изгладилъ въ насъ образъ Божій, что другіе учители Церкви ставили напротивъ въ укоръ оригенистамъ.*

---

* Epiphan. Epist. ad v. Ioan. Ierosol.; Hieronim. Epist. XXXVIII ad Pammach. de error. Ioann. Ierosol.

Невыясненность отношенія Церкви къ Государству вызвала въ египетской Церкви соборное правило, которымъ отлучался отъ Церкви всякій христіанинъ, добровольно дѣлавшійся воиномъ (Consit. Eccles. Egypt. II, 41).

Но наряду съ этимъ мнѣніемъ существовало и другое, ему противоположное, мнѣніе уже каноническое, по которому война допускалась и въ христіанскомъ званіи.

Такъ, изъ каноническаго посланія святаго Аѳанасія Великаго, архіепископа Александрійскаго, къ монаху Аммуну, мы видимъ, „что убіеніе враговъ на войнѣ и законно и достойно похвалы. Тако великихъ почестей сподобляются доблестные на брани, говоритъ св. Аѳанасій, и воздвигаются имъ столпы, возвѣщающіе превосходныя ихъ дѣянія“.*

Не могутъ упражняться въ воинскомъ дѣлѣ только епископы, пресвитеры, діаконы, вообще лица принадлежащія къ клиру, а равно и монахи, потому что 83 правиломъ святыхъ апостоловъ и 7 правиломъ четвертаго вселенскаго Халкидонскаго собора

* Прав. свв. отецъ. Посланіе св. Аѳанасія Великаго къ Аммуну монаху.

это имъ запрещено; и правиломъ Халкидонскаго собора не по отношенію только къ военному дѣлу, но и ко всякому другому дѣлу, сопряженному съ мірскимъ званіемъ (Пр. св. апост. 83; четв. Халкид. собора, 7).

Тому же самому учатъ и всѣ прочіе отцы Церкви. Такъ, блаженный Августинъ, знаменитый учитель вселенской Церкви, говоритъ: „Не думайте, что нельзя угодить Богу на военной службѣ: Давидъ былъ воинъ". Климентъ Александрійскій говоритъ, что позволительно заниматься всѣми дѣлами, относящимися къ государству („Педагогъ", III, 11, 74), и выводитъ это изъ заповѣди Господней: *воздадите Кесарево Кесареви, а Божія Богови* (Матѳ. XXII, 21).

Наконецъ въ IV вѣкѣ соборъ Арелатскій окончательно разрѣшилъ всѣ недоразумѣнія о войнѣ, издавъ постановленіе, въ силу котораго подлежали отлученію отъ Церкви всѣ, отказывавшіеся отъ военной службы, и такимъ образомъ разъ навсегда призналъ ту истину, что служить Богу и Царю можно не одним знаніемъ и перомъ, но также и мечомъ.

XIV

Пророчество всеобщаго примиренія людей во Христѣ не есть православное пророчество, а какое-то другое, едва ли не еретическое. Всеобщаго мира на землѣ Евангеліе не обѣщаетъ, хотя и требуетъ отъ людей, чтобы они жили въ мирѣ. Религія Іисуса Христа, какъ религія премирная, углубляется своими корнями въ прошедшемъ и простираетъ свои вѣтви въ будущее. Евангельское дѣло связывается не только съ Израилемъ, но и со всею исторіей человѣчества, и потому, чтобы должнымъ образомъ оцѣнить истину Евангелія, надо взглянуть на дѣла, имъ совершонныя, и на дѣла, его подготовлявшія. Такъ, Александръ Македонскій и Цезарь силою оружія подготовляли христіанство, осуществляя единство Римской имперіи, которое должно было облегчить распространеніе новаго ученія.*

Маркъ Аврелій, Сократъ и Платонъ подготовляли христіанство, направляя мысль человѣка къ высшимъ областямъ философской нравственности.

* Эрнестъ Навиль: Христосъ. Публичныя чтенія, стр. 148.

Читая напримѣръ *Мысли* Марка Аврелія, говоритъ профессоръ Б. Чичеринъ, нельзя не умиляться передъ тою невозмутимою кротостью, тою неизсякаемою любовью къ человѣчеству, тѣмъ глубокимъ смиреніемъ и сознаніемъ своего долга, которыми дышетъ въ нихъ каждая строчка. Всѣ высшія правила христіанства, братство всѣхъ людей, прощеніе обидъ—все это находится у стоическаго мудреца, облеченнаго императорскою порфирою. Но, прибавляетъ онъ далѣе, вся философія мудреца ограничивается только сознаніемъ долга и жизнью во имя этого долга. Оттого на всѣхъ этихъ размышленіяхъ лежитъ печать какой-то поэтической грусти, которая дѣлаетъ ихъ еще болѣе привлекательными. Это самое указываетъ на недостаточность одного философскаго міросозерцанія. Нравственная философія сама собою привела людей къ живому общенію съ высшимъ разумомъ или что то же къ христіанской религіи, которая и сдѣлалась поворотною точкою въ исторіи человѣчества.*

Стоическая философія подготовляла христіанство, указывая на высокое достоинство души и

* Б. Чичеринъ: Наука и Религія, стр. 246—247.

обобщая идею человѣчества. Такимъ образомъ христіанство въ своемъ потокѣ соединяетъ всѣ чистые элементы прошедшаго, чтобы образовать будущее, исторія котораго, съ уничтоженіемъ рабства и коснѣнія людей „во тьмѣ и сѣни смертной“, должна привести человѣчество къ единому вселенскому тѣлу, Церкви, къ прославленію человѣческаго естества въ полноту возраста Христова, дабы въ этомъ прославленіи быть намъ всѣмъ едино съ Нимъ, а въ Немъ и едино со Отцемъ.

На это указываетъ апостолъ Павелъ, когда говоритъ что царство благодати явилось *къ устроенію полноты временъ, чтобы все соединилось подъ главою Христомъ* (Ефес. I, 10; Гал. IV, 4), т.-е. чтобы Сынъ Божій пришелъ съ неба, когда настало время, назначенное для этого, когда со стороны міра наступила возможность принять Его ученіе, когда весь человѣческій родъ сознадъ, что ему недостаетъ истины. Такова общая мысль Апостола, хотя въ подробности онъ ее не раскрываетъ.

Христосъ, говоритъ Сепнъ, есть тайна всей міровой исторіи, и къ Нему тяготѣетъ не только человѣческая исторія, но и весь міръ своимъ тече-

ніемъ и стройнымъ порядкомъ. По его мнѣнію, вся исторія прошедшаго, какъ и все будущее—есть книга объ *Агнцѣ, закланномъ отъ созданія міра* (Апок. XIII, 8).*

Все предшествовавшее явленію Христа, говоритъ епископъ Хрисанѳъ, устроялось и созидалось такъ, чтобы явилась наконецъ глава для этого еще неодушевленнаго тѣла. А отсюда тотъ выводъ, что къ принятію христіанства готовились люди всѣхъ званій, готовился весь міръ—не евреи только, но и язычники, и послѣдній не отрицательно только.**

Но если древніе народы, помимо первооткровенія и развитія философскихъ системъ, готовились къ принятію христіанства и мечомъ соединяя разрозненные полудикіе народы подъ скипетръ единой Римской имперіи, то тѣмъ же мечомъ христіанство оберегалось отъ нашествія варваровъ, грозившихъ ему всеобщимъ разрушеніемъ. Такъ, во время великаго переселенія народовъ, когда Вестготы, тогда уже христіане, и знаменитый римскій полководецъ

* Сеппъ: Язычество и его значеніе въ отношеніи къ христіанству.

** Епископъ Хрисанѳъ: Религіи древняго міра, т. III, стр. 663—670.

Аецій встрѣтились съ Гуннами подъ предводительствомъ Аттилы, въ Шампаньи, на Каталаунской равнинѣ, то здѣсь произошла великая битва народовъ, въ которой болѣе 150.000 человѣкъ осталось на мѣстѣ, гдѣ Аттила былъ побѣжденъ и отступилъ обратно за Рейнъ. *Такимъ образомъ Каталаунская битва,* говоритъ историкъ Д. Иловайскій, *избавила западную христіанскую Европу отъ порабощенія гунно-славянскимъ варварамъ.**

При осадѣ Константинополя Магометомъ II (1451—1481), послѣдній византійскій императоръ Константинъ XI Палеологъ приготовился со своимъ сравнительно небольшимъ войскомъ отчаянно защищаться, что онъ и доказалъ, умеревши смертью солдата, съ мечомъ въ рукѣ на стѣнахъ города; но какъ ни храбро боролись защитники Константинополя противъ сильнѣйшаго врага (7.000 противъ 250.000), Константинополю все-таки суждено было пасть: Османы ворвались въ городъ, въ которомъ три дня продолжались убійства и грабежъ, такъ какъ султанъ Магометъ заранѣе обѣщалъ своему воинству отдать городъ на разграбленіе

* Д. Иловайскій: Средняя исторія, стр. 19.

втеченіи трехъ дней. Турки получили при этомъ несмѣтную добычу; плѣнниковъ они обратили въ своихъ невольниковъ; знатныя византійскія женщины и монахини наполнили гаремы варваровъ. Много памятниковъ искусства погибло въ эти дни: невѣжественные Турки разбивали статуи, а золотыя и серебряныя вещи расплавляли, чтобы удобнѣе дѣлить добычу. Великолѣпный Софійскій соборъ и другія лучшія церкви обращены въ магометанскія мечети, и христіанскій крестъ на ихъ главахъ былъ замѣненъ турецкимъ полумѣсяцемъ. *Такимъ образомъ, съ разбитіемъ христіанскаго воинства, на развалинахъ Византійской имперіи водворилась варварская Турецкая держава, и надъ городомъ свв. Константина и Елены водрузилось зеленое знамя лже-пророка.*

Это уже безъ словъ говоритъ за то, какъ велико значеніе воинства въ дѣлѣ охраны вѣры, родины, жизни, чести и имущества ближнихъ, а также и просвѣщенія.

Но не одинъ Римъ сослужилъ службу христіанской западной Европѣ, сослужила ему своимъ воинствомъ великую службу, во время переселенія

народовъ, и наша Россія, и въ то именно время, когда долженъ былъ закончиться періодъ этого переселенія, чтобы дать христіанской Европѣ возможность мирно начать созданіе новой христіанской культуры. Вотъ какъ опредѣляетъ эту высокую миссію Россіи Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, К. П. Побѣдоносцевъ, въ своемъ отвѣтѣ Эдуарду Навиллю, президенту швейцарскаго центральнаго комитета Евангелическаго союза, на адресъ его къ Его Императорскому Величеству Александру III, Императору Всероссійскому.

Евангелическій союзъ, какъ извѣстно, ходатайствовалъ въ своемъ адресѣ объ отмѣнѣ нашихъ законовъ, воспрещающихъ членамъ Православной Церкви переходить въ другія исповѣданія, объ учрежденіи религіозной свободы и о полной свободѣ чтить Бога каждому по своей совѣсти, съ правомъ дарованія пастырямъ инославнаго исповѣданія пропаганды своего ученія въ предѣлахъ нашего Отечества; другими словами, Евангелическій союзъ ходатайствовалъ о свободномъ совращеніи членовъ нашей Православной Церкви въ католицизмъ и лютеранство. На это нашъ Оберъ-Прокуроръ, которому

Его Величеству благоугодно было передать адресъ, отвѣчалъ Евангелическому союзу:

Россія хранитъ глубокое убѣжденіе, что нигдѣ въ Европѣ инославныя и даже нехристіанскія исповѣданія не пользуются столь широкою свободой, какъ посреди Русскаго народа. Увы, въ Европѣ не хотятъ признать этой истины. Почему? Потому единственно, что тамъ къ понятію о свободѣ исповѣданій примѣшалось безусловное право пропаганды его. И вотъ источникъ вашихъ сѣтованій на наши законы о совращеніяхъ изъ Православія и объ отпаденіяхъ отъ него!

Въ этихъ законахъ, ограждающихъ господствующее въ Россіи исповѣданіе и устраняющихъ посягательство на спокойствіе его, Европа видитъ ограниченія свободы для другихъ исповѣданій, даже преслѣдованіе ихъ! Я не буду входить принципіально въ вопросъ, какая существуетъ связь между свободой исповѣданія и правомъ прозелитизма его и почему огражденіе одного исповѣданія отъ прозелитизма нѣкоторыми признается за стѣсненіе свободы другаго исповѣданія.

Этотъ отвлеченный вопросъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко и на своемъ теоретическомъ полѣ

едва ли привелъ бы къ желаннымъ результатамъ. Я приглашаю васъ на болѣе прочную основу, историческую, на которой получаются болѣе явственныя рѣшенія по этому предмету.

Провидѣнію угодно было поставить Русское государство на широкомъ открытомъ пространствѣ между Ураломъ и Карпатами, гдѣ лицомъ къ лицу встрѣчаются двѣ столь разнородныя и важнѣйшія части свѣта, Европа и Азія. Въ тиши и неизвѣстности для исторіи таились русскія племена, пока Высшая рука, правящая судьбами исторіи, не вызвала ихъ на стражу на пути великаго переселенія народовъ, въ то именно время, когда долженъ былъ закончиться періодъ этого переселенія, чтобы дать христіанской Европѣ возможность мирно начать созданіе новой, христіанской культуры. Русское государство призывалось къ высокой миссіи въ человѣчествѣ твердо стоять на стражѣ между двумя частями свѣта, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону, пока перстъ Божій не укажетъ поры для мирной встрѣчи Востока съ Западомъ въ духѣ христіанскихъ и культурныхъ идей.

Россія исполнила свой долгъ. Ни дикія орды Хазаровъ, Печенѣговъ и Половцевъ, ни тучи Монголовъ не проникли въ Западную Европу, не затруднили христіанскаго и культурнаго роста ея. Міръ мусульманскій, столь долго торжествовавшій надъ усиліями ея въ лицѣ крестоносцевъ, не только остановленъ въ своемъ движеніи на міръ христіанскій, но и обезсиленъ силою Россіи. Что же дало Россіи эту силу въ исполненіи своего великаго долга въ человѣчествѣ? Ничто другое, кромѣ ея самобытности и твердой устойчивости въ своихъ собственныхъ началахъ, въ независимости ни отъ Азіи, ни отъ Западной Европы. Что было бы съ Россіей, еслибы она, окруженная съ востока и запада многими десятками народностей и исповѣданій, и постепенно давая имъ пріютъ у себя, колебалась въ недоумѣніи между одними и другими? Что было бы и съ Западной Европой, еслибы Россія стала ареной для соперничества этихъ народностей и исповѣданій, особенно въ тотъ періодъ, когда мусульманскій міръ сталъ твердою ногою на Босфорѣ, имѣя крѣпкіе опорные пункты въ царствахъ Казанскомъ, Астраханскомъ и Крымскомъ, а весь

западъ Европы запылалъ продолжительными религіозными войнами, то озаряясь кострами инквизиціи, то омрачаясь кровавыми „ночами“ и „вечернями“? Только полная духовная самобытность спасла Россію среди этого коловорота религіозныхъ и политическихъ порывовъ на Востокѣ и Западѣ. Не тѣмъ ли болѣе она должна была тщательно охранять неприкосновенность своихъ духовныхъ началъ, вырастившихъ и укрѣпившихъ ея самобытность? Да, въ православной вѣрѣ Россія обрѣла спасавшее духовное начало, ею одушевлялась она въ исполненіи своего великаго призванія, въ ней находила опору противъ соблазновъ со всѣхъ сторонъ и увлеченій и надежду посреди бѣдствій и уныній, съ нею расла, крѣпла и исполняла свое назначеніе въ человѣчествѣ. Охрана православной вѣры отъ колебаній и отъ покушеній на нее съ какой бы то ни было стороны, составляетъ важнѣйшій историческій долгъ ея, потребность ея жизни.*

Далѣе, синодальный Оберъ-Прокуроръ говоритъ, что если въ Европѣ и нѣтъ законовъ о совра-

* Письмо Оберъ-Прокурора Св. Синода къ Эд. Навиллю. Церковныя Вѣдомости 1888 года, № 7.

щеніяхъ и отпаденіяхъ отъ господствующей вѣры, то есть силы гораздо болѣе глубокія и широкія, насквозь пропитанныя нетерпѣніемъ къ другимъ исповѣданіямъ, въ особенности же къ православной вѣрѣ, при которыхъ ссылка на отсутствіе законовъ объ отпаденіяхъ и совращеніяхъ одни жалкія слова.

Отвѣтъ К. П. Побѣдоносцева, какъ извѣстно, не произвелъ на Евангелическій союзъ желаемаго воздѣйствія, чего, разумѣется, и надо было ожидать. Непрошенные опекатели земли Русской, прикрываясь разнаго рода возвышенными гуманными стремленіями, въ сущности добиваются пропаганды въ нашемъ Отечествѣ чуждыхъ нашему національному духу исповѣданій съ тою цѣлью, чтобы расшатать вѣковыя религіозныя вѣрованія русскаго народа, ибо враги Россіи, говоритъ г. Левитскій, въ Православіи справедливо видятъ силу, благодаря которой русскій народъ сложился въ сильное, крѣпкое, могущественное государство, почему и естественно съ ихъ стороны направлять свои стрѣлы въ эту твердыню, съ разрушеніемъ которой необходимо должно воспослѣдовать и разложеніе всего государственнаго зданія (Православное Обозрѣніе: 1889, мартъ, стр. 629).

XV

Въ послѣднее время появились на Руси проповѣдники односторонняго христіанства, которое можно позволить себѣ назвать христіанствомъ „сантиментальнымъ“ или „розовымъ“. Этотъ оттѣнокъ христіанства, говоритъ К. Н. Леонтьевъ, очень многимъ знакомъ; это своего рода „ересь“ неформулированная, и несовокупившаяся въ организованную еретическую церковь, весьма распространена у насъ въ образованномъ обществѣ. Объ одномъ *умалчивать;* другое *игнорировать;* третье *отвергать* совершенно; иного *стыдиться, признавать святымъ и божественнымъ* только то, что наиболѣе приближается къ чуждымъ Православію понятіямъ европейскаго *утилитарнаго прогресса*—вотъ черты того христіанства, которому служатъ теперь многіе русскіе люди и котораго, къ сожалѣнію, провозвѣстниками явились на склонѣ своихъ лѣтъ наши литературные авторитеты.*

Эти сторонники сантиментальнаго христіанства при всѣхъ своихъ разсужденіяхъ о законности суще-

* К. Леонтьевъ: Наши новые христіане, Ѳ. М. Достоевскій и графъ Левъ Толстой.

ствованія арміи, берутъ изъ Священнаго Писанія только такія мѣста, которыя болѣе подходятъ къ ихъ интеллигентному вкусу, упуская или игнорируя мѣста, имъ противоположныя, говорящія противъ ихъ умозаключенія. Пока толкованіе слова Божія было удѣломъ святыхъ подвижниковъ Божіихъ, испытавшихъ на себѣ всю жизненность и дѣйственность „глаголовъ Божіихъ“, до тѣхъ поръ Евангеліе было цѣльною книгою, въ которой одна заповѣдь Божія премудро гармонировала съ другой, и гдѣ кажущееся разпорѣчіе ихъ согласовалось святыми толковниками неодинаковымъ мѣстомъ и временемъ ихъ примѣненія и исполненія. Пока достовѣрными истолкователями истиннаго смысла Священнаго Писанія, по разуму Православной Церкви, были безцѣнный Златоустый (въ 407 г.), глубоко и многосторонне раскрывшій смыслъ богодухновенныхъ писаній, Аѳанасій Великій (373 г.), Василій Великій (379 г.), Григорій Богословъ (391 г.), Ѳеофилактъ (около 1107 г.) и знаменитый константинопольскій монахъ XII вѣка Евѳимій Зигабенъ, съ молитвою и смиреннымъ трепетомъ приступавшіе къ изъясненію великихъ дѣлъ Божіихъ,

до тѣхъ поръ мятущаяся отъ разныхъ религіозныхъ вопросовъ совѣсть человѣка находила въ писаніяхъ святыхъ великихъ людей удовлетвореніе и успокоеніе; тогда и доброе евангельское житье нашихъ предковъ, какъ слѣдствіе правильнаго умственнаго и нравственнаго развитія каждаго православнаго христіанина, не оставляло желать ничего лучшаго. Но вотъ все измѣнилось, какъ только въ вертоградъ Божій вошли „культурные дикари" и „деревенскіе мужики", которые подвергнувъ сомнѣнію подлинность и божественность Св. Писанія и Вселенскихъ Соборовъ подвергли вмѣстѣ сомнѣнію и многіе другіе вопросы, а въ томъ числѣ и нравственное бытіе арміи.

Духовное одичаніе христіанскихъ народовъ, какъ непререкаемо свидѣтельствуетъ о томъ исторія, началось съ Запада, гдѣ незадолго передъ Реформаціей люди начали замѣтно слабѣть къ вѣрѣ, охладѣвать къ дѣлу спасенія и терять чистоту жизни подъ растлѣвающимъ духомъ міра сего. Лица, которыя почитали себя свѣтильниками Церкви, и которыя на самомъ дѣлѣ должны бы были свѣтить своею жизнію, какъ призванные къ тому священ-

нымъ своимъ званіемъ, своимъ высокомѣріемъ, самоуправствомъ и недобросовѣстностью производили въ народѣ соблазны и раздѣленія. Латинскій Западъ, забывъ что царство распятаго Господа славы *нѣстъ отъ міра сего* (Іоан. XVIII, 36) и увлекшись своимъ внѣшнимъ могуществомъ среди народовъ, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ и вслѣдствіе обстоятельствъ историческихъ, достигъ наконецъ того, что взялъ въ свои руки всю судьбу государствъ, вмѣшался во внутреннее ихъ управленіе, сталъ собирать подати и содержать наемныя войска. Какъ было тягостно такое вліяніе римскихъ епископовъ на общества гражданскія можно судить по тому, что Генрихъ VIII, король англійскій, ввелъ въ богослуженіе такое прошеніе: „отъ насилія епископа римскаго и его нестерпимыхъ обидъ избавь насъ Господи“.*

Реформація, начатая Лютеромъ въ Германіи, Кальвиномъ во Франціи и Генрихомъ VIII въ Англіи, есть открытое и вмѣстѣ до крайности доведенное обнаруженіе всей нечистоты латинскаго Запада, всѣхъ его обидъ и неправдъ, всѣхъ хитро-

* Прибавл. къ изд. Твор. свв. отцевъ. Ч. 18, стр. 396.

стей и злоупотребленій, обнаруженіе и обличеніе людьми явившимися въ *свое имя,* совершившаяся при помощи средствъ недостойныхъ ни Бога, ни человѣка, и кончившаяся уничиженіемъ христіанской вѣры, она, какъ сознался еще Лютеръ, есть „вѣчный позоръ, такое дѣло, въ которомъ нельзя дать отчета ни передъ Богомъ, ни передъ людьми, и которое наводитъ мрачную тѣнь на самое Евангеліе.*

Мечтая быть преобразованіемъ латинства, Реформація оказалась демократіею, дѣломъ революціоннымъ и демагогическимъ, а лица, произведшія ее, несомнѣнно были революціонеры.** Такъ впослѣдствіи стали говорить о Реформаціи ея же приверженцы! И это потому, что главные виновники Реформаціи поступали противъ правъ людей, какъ членовъ церковнаго и гражданскаго общества. Обогатившись чрезъ хищенія, проливъ потоки крови и повсюду распространивъ бѣдствія, реформаторы оставили потомству, вмѣсто любви и согласія, не-

* Герик. Истор. церк., кн. 2, стр. 883. Галле, 1838.

** Оден. Реформ. прот. реформы. Т. I, стр. 41, 159, 353.

скончаемыя распри и раздоры, насилія и возмущенія.* Чада Реформаціи публично оскорбляли государей, проповѣдывали возмущенія, возставали противъ правительствъ, противъ арміи, требуя ея разоруженія, покушались на авторитетъ законовъ, буесловили о равенствѣ состояній, о рабствѣ народа и о необходимости эмансипаціи.** Самъ зачинщикъ Реформаціи неоднократно сознавался, что его ученіе породило много соблазновъ, несогласій и возмущеній, которыя приводили въ трепетъ его самого, особенно, когда собственная его совѣсть укоряла его за то, что онъ посягнулъ на древній миръ и древнее спокойствіе латинства.***

Но какова нива, таковы и сѣмена, и каковы цвѣты, таковы и пестроты, и каковъ дѣлатель, таково и дѣло (3 Езд IX, 17). Каковы преобразователи латинства, такова и произведенная ими Реформація. Не миръ и любовь принесла она людямъ, но много способствовала умноженію на землѣ преступленій, крамолъ и крово-

* Ibid., т. 2, стр. 40.

** Сенк: Взглядъ на протестантство. Парижъ, 1850, стр. 112.

*** Ibid., стр. 113.

пролитій, породивъ большую Крестьянскую войну (1525 года), междоусобныя войны во Франціи (1562—1569), амбоазскій заговоръ близъ Тура (1560), Кровавую баню въ Васси (1562), Тридцатилѣтнюю войну, содѣйствовавъ всѣмъ ужасамъ во время междоусобій въ Швеціи, Норвегіи и Польшѣ, войнъ Людовика XIV, войны Семилѣтней, сѣверо-американской, войнъ въ Америкѣ, въ Индіи, въ Австраліи, въ Венеціи и войнъ революціонныхъ.*

Возставъ съ запальчивостью противъ латинскихъ злоупотребленій въ вѣрѣ, реформаторы хотѣли истребить ихъ совершенно и такимъ образомъ дать христіанамъ западнымъ правую систему вѣроученія по слову Божію; но вмѣсто того, оставивъ ихъ у себя въ иномъ видѣ, возвели ихъ на большую степень злоупотребленій, и въ то же время исключили изъ христіанства такія истины, за которыя великіе мужи св. Церкви подвизались до мученической смерти. Съ этой стороны Реформація оказалась нападеніемъ философской теоріи, одѣвшейся въ христіанскую одежду, на истину богооткровен-

* Архимандритъ Иннокентій: Богословіе обличительное, т. III, стр. 33.

ную,* Реформація породила изъ себя множество обществъ, изъ коихъ каждое всегда готово ввести новыя у себя перемѣны,** предала вѣру Христову въ жертву безконечныхъ споровъ и несогласій, подвергая сомнѣнію самыя важныя ея истины,*** не оставила почти ни одного ея члена въ томъ видѣ, чтобы всѣ принимали его согласно,**** и породила социніанъ, унитаріевъ, анабаптистовъ, квакеровъ, сведенборгіанъ, партикуляристовъ, универсалистовъ, саббаторіанъ, методистовъ, піетистовъ, гернгутеровъ, ремонтрантовъ, гомаристовъ, гофманистовъ, антиноміанъ, криптикистовъ, сепаратистовъ, гармонистовъ, вообще множество общинъ, коихъ насчитываютъ до 70, а если развѣдать вѣрованіе каждаго протестанта, то ихъ наберется до 70.000, изъ коихъ одни премудрости ищутъ, другіе знаменій просятъ, а иные о распятомъ Господѣ славы вовсе не поминаютъ.*****

---

* Шатобріанъ: Историческія замѣтки, 130.

** Сене: Взглядъ на протестантство, стр. 114.

*** Ibid., стр. 30—32.

**** Оден. Реформ. прот. реформы, т. I, стр. 482.

***** Сене: Взглядъ на протест., стр. 117. Иннокентій: Начертаніе церковной исторіи, отд. 2, стр. 538.

И каждая община воздвигла своихъ пророковъ, устами которыхъ вѣщаетъ себя провозвѣстницею божественной воли, и пророки подъ вліяніемъ религіознаго энтузіазма ведутъ свою паству куда имъ заблагоразсудится.

Построивши церковное зданіе на личномъ началѣ, протестантизмъ тѣмъ самимъ не утвердилъ никакого прочнаго церковнаго общества, ибо единомысліе на личномъ правѣ всегда быстро переходитъ въ разномысліе. Полная свобода личнаго разума, потемнѣнная первороднымъ грѣхомъ, вызвала въ протестантизмѣ то, что онъ самъ себя разодралъ на множество партій, между которыми невозможно примиреніе. И всякая партія толкуетъ дѣла св. вѣры по своему; по своему объясняетъ то или другое начало государственной жизни, давая ему свою своеобразную, чисто протестантскую точку зрѣнія, безъ всякаго отношенія къ объективнымъ основамъ церковной жизни и церковныхъ преданій, отрицаемыхъ во имя свободы протестантизмомъ.

Цитуемый нами авторъ Іонаоанъ Даймондъ, пылкій ревнитель мира и безпощадный противникъ войны, принадлежитъ къ сектѣ квакеровъ, т.-е.

къ одной изъ 70 протестантскихъ общинъ, которыя создала Реформація. Его идеи о войнѣ, подобно идеямъ протестантовъ: Дж. Ст. Милля, Эмиля де Жирардена, Кобдена, Спенсера, Эразма, Нокса, Бокля, Виклефа, Буасье, и друг., повсюду находятъ какъ въ Европѣ, такъ и въ нашемъ разноперстномъ обществѣ расположеніе и сочувствіе. Всѣ эти писатели возстаютъ противъ войны, какъ противъ дѣла несовмѣстнаго съ нравственными понятіями и съ основными духовными законами Спасителя. И если въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ часто самыя непреложныя истины подвергаются сомнѣнію, и самыя очевидныя нелѣпости возводятся въ истину, то нечего и говорить, что такой сложный и трудный для защиты вопросъ, какова война, нашелъ такое множество адептовъ и противниковъ.*

* Такъ, напримѣръ, очевидно для всякаго русскаго и православнаго, что дабы возстановить въ нашемъ Отечествѣ православный характеръ народнаго воспитанія, нужно начальную народную школу, какого бы вѣдомства она ни была, передать подъ непосредственное наблюденіе священника, его епископа и высшей инстанціи—Св. Синода. А между тѣмъ возражателямъ и понынѣ нѣтъ числа. И это въ истинѣ очевидной. Какой же послѣ того калейдоскопъ толковъ и мнѣній должна порождать война!?

Мы укажемъ здѣсь на главныя возраженія по поводу войны извѣстныхъ намъ писателей крайняго морализма и поклонниковъ эстетическихъ идеаловъ, поклонниковъ религіи „гуманизма,“ которую называютъ иначе „религіей будущаго“.

XVI

Прежде всего выдвигаются основанія изъ св. Писанія въ пользу мнѣнія о преступности войны. *Вы слышали что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ подлежитъ суду* (Исх. XXX, 13). *Вы слышали, что сказано: око за око, а зубъ за зубъ* (Исх. XXI, 24). *А я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два .. Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего*

(Лев. XIX, 17, 18). *А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ* (Матѳ. V, 21, 38—44).

Читая подобныя цитаты въ отвѣтъ противъ войны, все болѣе убѣждаешься въ томъ, что съ самаго основанія христіанства и до нынѣшней эры, кажется не было еще времени, когда бы не имѣло приложенія предостереженіе Господа: *внемлите отъ лживыхъ пророкъ* (Матѳ. VII, 15). Господь не указалъ, какихъ именно остерегаться лживыхъ пророковъ, ибо какъ ихъ опредѣлить? Пророки эти мѣняются какъ мода, и всякое время порождаетъ ихъ въ изобиліи. Они всегда выступаютъ въ одеждахъ овчихъ, съ видомъ доброжелательства въ поступкахъ и съ признакомъ истины въ рѣчахъ. Въ наше время одежда ихъ сшита изъ прогресса, цивилизаціи, просвѣщенія, свободы мыслей, равенства, братства, личнаго убѣжденія, и тому подобное. Все это, разумѣется, льстивая прикрышка, подъ которую попадаютъ неопытные и простодушные люди.

Никто не будетъ возражать противъ того, что христіанская любовь апробуется отношеніемъ къ недругамъ, такъ какъ другимъ видамъ любви, какова любовь къ родителямъ, роднымъ, благодѣтелямъ, наставникамъ, покровителямъ, Господь, по чувству естественности ихъ, какъ это видно изъ Евангелія, не придаетъ особаго значенія, говоря: *не то ли же самое дѣлаютъ и язычники.* Но любить врага—это вовсе не значитъ, чтобы ему дозволять дѣлать что ему вздумается дурное. Тогда это будетъ уже не любовь, а соучастіе въ зломъ замыслѣ и дѣлѣ врага. Любить врага, какъ это изъяснили намъ свв. отцы, значитъ заботиться всѣми мѣрами о его спасеніи, и ненависть которую онъ питаетъ ко мнѣ стараться увѣщаніемъ и собственной христіанскою кротостью обратить въ любовь къ себѣ. Я не долженъ противиться злобѣ врага въ томъ смыслѣ, чтобы сильнѣе не раздражать его и своимъ сопротивленіемъ не побуждать его строить противъ меня новыя козни, ибо уступка часто обезоруживаетъ и смиряетъ врага. Нерѣдко стоитъ перетерпѣть только первые натиски злобы, и врагъ сжалится и оставитъ тебя въ покоѣ. Про-

тивленіе же и месть ко врагу разжигаетъ его злобу, которая отъ одного лица переходитъ въ семью, а потомъ и въ цѣлое поколѣніе.

Но ненадо при этомъ забывать, что Богъ любви, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Богъ справедливости, и потому враждебныя дѣйствія моего врага могутъ быть терпимы до тѣхъ поръ, *пока они не вредятъ славѣ Божіей и спасенію ближняго;* за этими предѣлами мое пассивное отношеніе къ врагу должно прекратиться и перейти въ активное противодѣйствіе его преступнымъ намѣреніямъ, особенно, когда намѣренія эти грозятъ моей жизни и жизни моихъ близкихъ. Такой выводъ имѣетъ своимъ основаніемъ въ правѣ законной обороны и въ храненіи и защищеніи своей жизни *какъ величайшаго дара Божія;* этого требуетъ и благо ближнихъ, для которыхъ враждебное отношеніе моего врага, съ угрозою лишить меня жизни, можетъ быть въ такой же мѣрѣ опасно и для нихъ; этого требуютъ иногда особенные случаи народнаго возмущенія и сопряженной съ нимъ общественной безопасности и порядка. Этого требуютъ, наконецъ, обязанности моего военнаго званія при объявленіи враждебному

государству войны со всѣми проистекающими отъ нея послѣдствіями.

Изъ исторіи Россіи извѣстно напримѣръ, что отъ половины IX до половины XIII вѣка являлись языческіе волхвы и возмущали народъ противъ христіанской религіи, пользуясь особенно физическими бѣдствіями, каковъ напримѣръ голодъ. Такъ однажды явился въ Новгородъ волхвъ и сталъ говорить передъ народомъ, что онъ все знаетъ, что можетъ ходить по водѣ, какъ по суху; народъ повѣрилъ ему, и когда епископъ вышелъ на площадь съ крестомъ въ рукахъ, то на его сторонѣ сталъ только одинъ князь съ своею дружиною, всѣ же остальные новгородцы стали на сторону волхва; епископа спасла отъ погибели одна только рѣшительность князя, который подошелъ къ волхву и разрубилъ его топоромъ; народъ, видя, что старые боги не умѣли защитить своего слугу, разошелся.*

Изъ этого примѣра всякій можетъ видѣть, что потеряйся князь и не убей волхва, Новгородъ могло бы постигнуть великое кровопролитіе и бѣд-

* Сергѣй Соловьевъ: Русская Исторія, 1880, гл. XIII, стр. 33—34.

ствіе, и во-вторыхъ погибъ бы епископъ и клиръ. Беря все это въ расчетъ, поступокъ князя нельзя не признать мужественнымъ и достойнымъ похвалы какъ отъ гражданской власти, такъ и отъ Церкви.

Но что нравственно по отношенію одного лица, то въ одинаковой мѣрѣ нравственно по отношенію къ нѣсколькимъ лицамъ, а также и цѣлымъ народамъ. Еслибы князю убійствомъ волхва не удалось прекратить народнаго возмущенія, и народъ, допустимъ, бросился бы на кровавую расправу съ княземъ и епископомъ, что безнравственнаго и преступнаго сдѣлала бы дружина, еслибы оружіемъ дала отпоръ народному неистовству? Можно ли назвать столь естественную оборону сплошнымъ преступленіемъ, какъ это говорятъ наши крайніе моралисты и новые толкователи евангельскаго слова о „непротивленіи злу“.

Подобныя историческія событія показываютъ намъ, что въ нашемъ грѣшномъ мірѣ бываютъ случаи, когда нѣтъ другихъ способовъ остановить зло, какъ только силой оружія. Поэтому моралистамъ слѣдовало бы не объ разоруженіи арміи толковать, а позаботиться о томъ какъ бы уничтожить грѣхъ,

производящій въ мірѣ раздѣленія и соблазны, тогда армія разоружилась бы сама собою.

Но когда въ мірѣ не будетъ грѣха и пріидетъ Царствіе Божіе на землѣ, тогда неизбѣжно измѣнятся и соціальныя условія государства, тогда лишнимъ окажется не одна армія, но и суды, адвокаты, нотаріусы, доктора, техники, механики, профессора, ученые и многіе другіе дѣятели грѣшнаго міра, о которыхъ теперь мы не можемъ себѣ даже представить. Тогда не будетъ надобности въ этихъ дѣятеляхъ потому, что некого будетъ судить, защищать, лѣчить, охранять и учить, тогда всѣ племена и народы увидятъ, что они напрасно трудились, ибо сожгутся всѣ дѣла людей огнемъ и *земля наполнится познаніемъ славы Господа, какъ воды наполняютъ море* (Ав. II, 13, 14; Іер. LI, 58; Матѳ. XIII, 44—46).

Еслибы не было въ мірѣ грѣха, то не было бы и науки, потому что и наша наука есть не что иное *какъ произведеніе нашего падшаго разума, какъ плодъ нашего паденія,* какъ пріобрѣтеніе познаній, накопленныхъ людьми во время жизни падшаго міра. Ученость есть свѣтильникъ

ветхаго, но не новаго „внутренняго человѣка,“ свѣтильникъ, которымъ *мракъ тьмы вовѣки блюдется.* Ученость земная есть только одинъ видъ, одно мнѣніе мудрости, но далеко не сама мудрость. Мудрость этого міра, въ которой почетное мѣсто занимаютъ и безбожники, по самымъ началамъ своимъ прямо противоположна мудрости духовной, *мудрости сходящей свыше* (Іак. III, 15), почему нельзя быть одновременно послѣдователемъ той и другой, одной непремѣнно надо отречься, потому что падшій человѣкъ есть „ложь,“ и изъ умствованій его составился „лжеименный разумъ“ или что то же собраніе ложнаго образа мыслей, неправильныхъ познаній и понятій, имѣющихъ только видъ разума, а въ сущности своей одно шатаніе, бредъ и бѣснованіе ума, пораженнаго смертною язвою грѣха.

Во всей своей полнотѣ этотъ недугъ ума особенно раскрывается въ наукахъ философскихъ.

XVII

Читатель безъ сомнѣнія знаетъ, насколько бываютъ разнообразны и противорѣчивы сужденія людей объ одномъ и томъ же событіи. Причиной тому служитъ многосторонность природы какъ судящихъ, такъ и судимыхъ, и великая сложность фактовъ человѣческаго общежитія. Наша оцѣнка каждаго предмета, говоритъ г. К. Ярошъ, находится въ зависимости отъ производимаго имъ на насъ впечатлѣнія. Дѣйствіе же свойствъ предмета проходитъ черезъ призму нашихъ взглядовъ, симпатій и антипатій, и эта призма распредѣляетъ такъ или иначе свѣтъ и тѣни. Сверхъ того большое значеніе имѣетъ пунктъ, съ котораго производится наблюденіе, потому что картина группы фактовъ измѣняется сообразно тому, смотримъ ли мы на нее сверху или снизу, справа или слѣва. Зритель, созерцающій только показную, праздничную сторону событія, поражается красотою внѣшняго покрова, лежащаго на фактахъ; тогда какъ другой наблюдатель, помѣстившійся на противоположной точкѣ зрѣнія,

съ ужасомъ видитъ изнанку событія съ слѣдами крови и грязи.

Такимъ образомъ оптимистическіе и пессимистическіе доводы сталкиваются, печальная элегія парализуетъ торжественность оды, и къ восторженнымъ словамъ панегирика примѣшивается свистъ сатиры. Въ результатѣ получается своеобразный концертъ, въ разноголосомъ шумѣ котораго часто теряется голосъ прямой и безпристрастной истины.* И такую именно разноголосицу въ сужденіяхъ породила война; люди въ страстныхъ порывахъ и шумныхъ преніяхъ забыли простую истину, что не всякая вражда противна заповѣдямъ Божіимъ, что есть вражда святая, охраняющая богоподобный образъ и высокое достоинство человѣка, вражда положенная самимъ Богомъ, какъ вѣчный приговоръ виновнику грѣха, какъ справедливое возмездіе за грѣхъ, ибо кто чѣмъ согрѣшаетъ, тѣмъ самымъ и наказывается. Этотъ законъ Божьяго правосудія прежде всѣхъ испыталъ на себѣ виновникъ противленія Богу, діаволъ, когда, искусивши первыхъ людей, услышалъ

* К. Ярошъ: Психологическая параллель. Московскія Вѣдомости 1891 года, № 292.

отъ Бога такой себѣ приговоръ: *вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и между сѣменемъ ея; оно будетъ поражать тебя въ голову, а ты будешь жалить его въ пяту* (Быт. III, 15). Этотъ же законъ отмщенія Господь впослѣдствіи объявилъ черезъ пророка и всѣмъ людямъ: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ. Чье сердце,* говорилъ Онъ черезъ пророка Іезекіиля, *увлечется въ слѣдъ гнусностей ихъ и мерзостей ихъ, поведеніе тѣхъ обращу на ихъ голову* (Іезек. XI, 21). Сюда же будетъ приложимъ и принципъ высказанный Господомъ: *гдѣ есть трупъ, тамъ соберутся и орлы* (Матѳ. XXIV, 28).

Вражда людей, положенная Богомъ къ діаволу и сѣмени его, есть актъ величайшаго милосердія къ людямъ, ибо иначе уловленные въ рабство діаволомъ, люди не чувствовали бы своего рабскаго состоянія, а слѣдовательно не имѣли бы надежды и желанія на освобожденіе отъ этого ужаснаго плѣна. Тогда воистину послѣдовало бы всецѣлое отторженіе людей отъ Бога и всецѣлое порабощеніе ихъ діавольской волѣ, а слѣдовательно

и всесовершенное погубленіе. Но Божій приговоръ о враждѣ къ источнику зла спасъ людей, не сдѣлалъ ихъ послушными орудіями въ рукахъ діавола и соучастниками его противленія Богу, а напротивъ враждующими противниками одушевленными постояннымъ желаніемъ нанести ему тяжкій и смертельный ударъ. *Сѣмя жены будетъ поражать тебя въ голову.*

Такимъ образомъ сущность наказанія, которому подвергся искуситель за совершонное имъ развращеніе рода человѣческаго, раскрываетъ намъ исторію происхожденія войны, какъ одного изъ великихъ бѣдствій, удручающихъ человѣчество съ самаго начала бытія его, бѣдствіе, какъ результатъ грѣхопаденія людей, такое же бѣдствіе, какимъ является для мужчины изнурительный трудъ, а для женщины болѣзненное дѣторожденіе. Быть и продолжаться этому бѣдствію суждено до тѣхъ поръ, пока будутъ удручать человѣчество равныя ему и тоже положенныя Богомъ бѣдствія—трудъ въ потѣ лица и болѣзнь, пока въ мірѣ будетъ грѣхъ и смерть, пока грѣховная природа наша не станетъ безгрѣшною и пока грѣхъ и смерть не истребятся окончательно.

Войны могло бы не быть при одномъ изъ двухъ условій: или когда люди, не поддавшись искушенію діавола, остались бы безгрѣшны и чисты какъ ангелы, въ свѣтломъ мірѣ которыхъ нѣтъ войны, или при обратномъ случаѣ, т.-е. когда бы грѣхъ совершенно возобладалъ надъ людьми и отторгъ ихъ отъ Бога, ибо въ этомъ случаѣ совиновность по противленію Богу производила бы грѣховное содружество, ибо въ мірѣ падшихъ духовъ также нѣтъ войны.

Война въ грѣшномъ мірѣ, говоритъ протоіерей Воздвиженскій, самымъ фактомъ своего существованія свидѣтельствуетъ о томъ, что въ этомъ мірѣ осталось нѣчто способное возстать и вооружиться во имя чего-то высшаго, будетъ ли этимъ высшимъ поруганная честь, оскорбленное достоинство, дерзкое нарушеніе заповѣдей Божіихъ, что въ этомъ мірѣ сохранилось еще уваженіе къ этой чести и къ этому достоинству и къ этимъ заповѣдямъ Божіимъ. Не было бы войны, значитъ въ людяхъ погибло все, что для нихъ должно было бы составлять самое дорогое достояніе, что въ нихъ истребилась самая память о чести и достоинствѣ своего существа, о

заповѣдяхъ Божіихъ. Значитъ, не звѣриная злоба, не животная ненасытность породили войну въ родѣ человѣческомъ, а она есть дѣйствіе опредѣленія, положеннаго Божіимъ правосудіемъ въ наказаніе искусителю.*

Наказаніе, положенное діаволу въ видѣ вражды къ нему людей, не ограничивается однимъ только ближайшимъ поколѣніемъ Адама, но имѣетъ продолжаться черезъ все послѣдующее потомство его, вплоть до скончанія міра. Другими словами: война должна быть явленіемъ неизбѣжнымъ, пока человѣчество будетъ оставаться въ состояніи грѣховности, пока пята сего вѣка будетъ открыта для уязвленія змія и пока глава змія не будетъ окончательно стерта. И эта вражда къ искусителю, къ виновнику нашего падшаго состоянія, какъ чувство благородное и священное, направленное къ охраненію нашего достоинства, должно непрестанно одушевлять и поддерживать сѣмя жены. Не будь положеннаго Богомъ закона вражды, сѣмя змія или что то же люди недобросовѣстные и злые могли бы возобладать на землѣ, получить неподобающее имъ господство, подавить

* Протоіерей М. М. Воздвиженскій: Христіанство и Война. Правосл. Обозр., 1891, I, стр. 60—61.

собою и то, что принадлежитъ къ сѣмени жены, и чрезъ то извратить цѣль и смыслъ Божьяго творенія. Отсутствіе вражды къ этому сѣмени змія и происходящій отъ сего нѣкоторый видъ содружества облегчалъ бы путь къ таковому извращенію творенія Божія.*

Нѣкоторые противники войны въ подтвержденіе резонности своихъ взглядовъ о преступности войны приводятъ изъ евангельской исторіи примѣръ, что когда воины пришли въ садъ Геѳсиманскій взять Спасителя, и ученики Его предложили для защиты „ударить мечемъ,“ то Господь не позволилъ имъ этого и сказалъ Петру: *возврати мечъ твой въ его мѣсто; ибо всѣ взявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ* (Матѳ. XXVI, 52).

Намъ кажется, что болѣе неудачнаго мѣста, какъ это, не могли и привести противники войны. Основаніе, по которому Господь запретилъ ученикамъ своимъ подобную защиту, объясняется Имъ же въ слѣдующихъ стихахъ того же Евангелія: *или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Онъ представитъ Мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легіоновъ Анге-*

* Ibidem., стр. 63.

ловъ? Какъ же сбудутся Писанія, что такъ должно быть? (Мате. XXVI, 53—54). Слѣдовательно, вотъ причина почему ревностное и благочестивое желаніе учениковъ защитить своего Учителя было на этотъ разъ не одобрено Имъ; потому что, говоря по человѣчески, если бы ученики смогли защитить Господа, тогда не была бы достигнута главная цѣль Его пришествія на землю, и отъ такой защиты погибли бы всѣ люди. Не защиту лица отъ нападенія разбойниковъ запретилъ Онъ, но отстаивалъ Свое великое Мессіанское дѣло— испить чашу страданій за людей, которую Ему опредѣлилъ Отецъ: обыкновенную же защиту людей отъ нападенія разбойниковъ Онъ одобрилъ, что видно изъ Его обращенія къ народу, пришедшему взять Его: *Какъ будто на разбойника вышли вы съ мечами и кольями, взять Меня* (Мате. XXVI, 55).

Для всякаго читающаго слово Божіе безъ лукавства и предубѣжденія, изъ этихъ словъ Господа ясно какъ нельзя болѣе, что отъ разбойника можно защищаться и даже выходить противъ него съ кольями и мечами.

XVIII

Извѣстно всѣмъ что такое война, но не всѣмъ извѣстно ея научное опредѣленіе, которому, вообще говоря, она поддается съ трудомъ.

Наука международнаго права говоритъ намъ, что какъ въ области внутренняго государственнаго управленія всякая мѣра, принимаемая государственною властью, имѣетъ за собой презумпцію принужденія и силы, которая можетъ быть примѣнена правительствомъ въ случаѣ неисполненія его законнаго требованія, такъ точно и въ области международныхъ отношеній требованія государства, основанныя на какомъ либо положительномъ международномъ обязательствѣ, или вытекающія изъ общаго порядка, дѣйствующаго между цивилизованными народами, если требованія эти не исполняются добровольно и не достигаются посредствомъ одного напоминанія—влекутъ за собой принужденіе и силу.

Каждое дѣйствіе государственной власти въ области международныхъ отношеній, равно какъ и дѣйствіе ея внутри государства, охраняются принужденіемъ. Оно сопровождаетъ всякую мѣру, хотя

не всегда проявляется. Въ этомъ смыслѣ право принужденія составляетъ органическую часть прерогативъ и обязанностей, лежащихъ на государственной власти въ области международныхъ отношеній. Осуществленіе этого права есть неразрывная часть международнаго управленія.

Право войны со всѣми ея послѣдствіями вытекаетъ изъ невозможности для государства исполнить свое назначеніе безъ борьбы и завоеванія необходимыхъ для этого условій, изъ нарушенія его основныхъ и неотъемлемыхъ правъ; изъ несоотвѣтствія его международнаго положенія съ внутреннею силою государственнаго организма; изъ ненормальнаго положенія общественныхъ силъ и интенсивныхъ ихъ стремленій; изъ внѣшняго нападенія народовъ, и т. п.; все это причины международныхъ столкновеній, не случайныя и произвольныя, но тѣсно связанныя съ исторической жизнью народовъ, ихъ географическимъ положеніемъ и ихъ общественными и политическими стремленіями.*

Писатели по международному праву смотрятъ на войну какъ на вооруженную борьбу между неза-

* Ф. Мартенсъ: Современное международное право, т. II, стр. 435—436.

висимыми государствами, для охраненія принадлежащихъ имъ правъ и интересовъ, какъ на вооруженную самопомощь, къ которой прибѣгаютъ государства по истощеніи всѣхъ другихъ мирныхъ и фактическихъ средствъ улаженія столкновеній.

Брюссельская конференція 1874 года опредѣляетъ войну такъ: Международная война есть состояніе открытой борьбы между независимыми государствами и ихъ вооруженными и организованными силами.

По опредѣленію Филлимора, война есть „страшная тяжба“ между государствами.*

Военные писатели, каковы Клаузевицъ и Рюстовъ, говорятъ, что война не только вооруженная самопомощь, но единоборство между государствами или „политическое орудіе“, средство для достиженія государствомъ постановленныхъ себѣ цѣлей.**

Нашъ русскій стратегъ, проф. Леєръ опредѣляетъ войну такъ: Война есть явленіе весьма естественное въ жизни народовъ, которое хотя и имѣетъ свою широкую злую сторону, но которое

* Phillimor: Int. Law, t. III, p. 2, 77, etc.

** Clauslwitz: Hinterlassene Werke. Berlin, 1832. Rüstow: Kriegspolitik und Kriegsgebrauch. Zürich, 1876.

въ концѣ концовъ, при благоразумномъ орудованіи этимъ средствомъ, является однимъ изъ самыхъ быстрыхъ и могущественныхъ цивилизаторовъ человѣчества. Война есть средство, и притомъ *крайнее* средство въ рукахъ политики для достиженія государственныхъ цѣлей.

Мыслители и философы держатся насчетъ войны различныхъ взглядовъ. По мнѣнію Спинозы, война есть „осуществленіе естественнаго права", принадлежащаго сильному надъ слабымъ.* Напротивъ, Кантъ называетъ войну ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ, прерывающимъ законъ человѣчности.**

Джонъ Стюартъ Милль считаетъ оскорбленіемъ читателя доказывать передъ нимъ безнравственность завоевательныхъ войнъ, насчетъ которыхъ не можетъ быть двухъ мнѣній между честными людьми.***

Одни писатели, каковы Де-Мэстръ, Прудонъ, Трейчке — до крайности восторгаются войной, другіе же, какъ напр. Эмиль де-Жирарденъ, Буасье, Спен-

* Spinosa: Tractatus politicus, cap. II, § 3.

** Kant: Zum ewigen Frieden (Sämmtliche Werke, herausg von Rosenkrantz und Schubert, Bd. VII, S. 229 ff.

*** Mill's: Dissertations and discussions. London. 1867, t. III, p. 171.

серъ, Кобденъ, и др., не находятъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы показать свое отвращеніе къ ней.

Конечно и тѣ и другіе писатели впадаютъ въ крайности, потому что не знаютъ, что такое грѣхъ, и потому что не смотрятъ на войну какъ на слѣдствіе грѣха. Отсюда ихъ странные и неправильные выводы о главныхъ источникахъ войны, а также и о ея слѣдствіяхъ.

Даймондъ напр. смотритъ на войну какъ на жестокое безчеловѣчное явленіе, какъ на простое массовое убійство, причемъ причины изъ-за которыхъ начинались войны, всегда были, по его мнѣнію, безнравственны, и причины эти: властолюбіе, корыстолюбіе, международная ненависть, религіозная нетерпимость, зависть, соперничество, и т. п. Перечисляя дурныя причины войны, автору повидимому и въ голову не приходитъ, что были войны и изъ-за высокихъ нравственныхъ побужденій, каковы войны за свободу и освобожденіе отъ рабства другихъ, войны религіозныя, защитительныя войны отъ нашествія варваровъ, и т. п.

Говорить *въ настоящее время* о правѣ войны, какъ о массовомъ звѣрскомъ убійствѣ, по-

резонно потому, что Іонаѳану Даймонду должно бы быть извѣстно, что по наукѣ международнаго права, исторія права войны есть прежде всего исторія постепеннаго ограниченія грубой силы, т.-е. первобытныхъ законовъ и звѣрскихъ обычаевъ войны, которые съ распространеніемъ уваженія къ человѣческой личности, съ развитіемъ государственныхъ учрежденій и съ улучшеніемъ организаціи войскъ, дошли до высоты наиболѣе гуманныхъ и возвышенныхъ отношеній между воюющими сторонами.

Въ древнія времена, когда человѣческая личность не пользовалась никакими правами, война дѣйствительно могла быть только безпощаднымъ взаимноистребленіемъ.

Въ современномъ же правѣ войны установилось, какъ аксіома, что объектомъ права войны или непосредственнымъ предметомъ военныхъ операцій могутъ быть только тѣ лица и тѣ вещи, которыя принадлежатъ непріятельскому государству и имѣютъ прямое отношеніе къ войнѣ, т.-е. исключительно вооруженныя силы государства и его имущества, но не частныя мирныя и безоружныя лица и ихъ собственность.

Обязанность уваженія и пощады мирнаго населенія непріятельскаго края категорически выражена напримѣръ въ послѣднюю Восточную войну въ прокламаціи, отданной въ приказѣ главнокомандующаго, Великаго Князя Николая Николаевича, отъ 12 апрѣля 1877 года, объяснившемъ какъ цѣль предстоявшей войны, такъ и правила для поведенія арміи. Въ приказѣ между прочимъ говорилось: "Мирные жители, къ какой бы вѣрѣ и къ какому народу они ни принадлежали, равно какъ и ихъ добро, да будутъ для васъ неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно, никто не долженъ дозволить себѣ произвола.*

Поэтому всякому, кто разсуждаетъ о войнѣ, нужно различать двоякое состояніе объектовъ войны: активное и пассивное. Въ активномъ состояніи находятся всѣ вооруженныя силы страны, сухопутныя и морскія, и всѣ лица и предметы, назначенные служить военнымъ цѣлямъ: они могутъ быть истреблены непріятелемъ или сдѣланы безвредными.

Тѣ же лица, которыя не принимаютъ прямого участія въ войнѣ, а также вещи, не служащія не-

* Ф. Мартенсъ: Восточная война и Брюссельская конференція, стр. 283.

посредственно для цѣлей войны, находятся въ пассивномъ состояніи и пользуются неприкосновенностью.*

Врагамъ и порицателямъ войны, кромѣ того, слѣдовало бы знать, что хотя война и прекращаетъ мирныя отношенія между воюющими государствами, но ни въ какомъ случаѣ не обращаетъ ихъ въ первобытное состояніе: въ примѣненіи къ нимъ дѣйствуютъ опредѣленные законы и обычаи, составляющіе право войны. Возникновеніе войны не прекращаетъ въ настоящее время всѣхъ обязательственныхъ отношеній между враждующими государствами, но пріостанавливаетъ дѣйствіе такихъ договоровъ, какъ коммерческіе трактаты, конвенція о выдачѣ преступниковъ, о консулахъ, и т. п., исполненіе коихъ во время войны очевидно невозможно. По общему правилу, война отмѣняетъ только обязательства съ политическимъ характеромъ.**

Тѣ же дѣйствующіе законы и обычаи войны старались выработать наиболѣе гуманныя и человѣчныя средства войны, при помощи которыхъ

* Bluntschli: Völkerrecht, § 529 ff.

** Bluntschli: Völkerrecht, § 538. Vattel: Droit des gens, liv. III, chap. X, § 175. Halleck: Laws of war, p. 371, § 23.

было бы возможно сдѣлать военныя дѣйствія достигающими цѣли въ возможно короткое время. Въ самыхъ орудіяхъ и средствахъ войны международные европейскіе законы запрещаютъ:

1. Употребленіе отравленнаго оружія или яда.

2. Вѣроломное убійство лицъ, принадлежащихъ къ непріятельской арміи, напримѣръ черезъ подосланныхъ убійцъ, и вообще всякій измѣнническій способъ лишенія жизни.

3. Употребленіе оружія, снарядовъ и веществъ, причиняющихъ напрасныя физическія страданія, и въ частности употребленіе разрывныхъ пуль, вѣсомъ менѣе 400 граммовъ.

4. Употребленіе дикихъ и полудикихъ племенъ въ войнахъ между цивилизованными государствами.

5. Объявленіе о томъ, что никому не будетъ дано пощады, причемъ нельзя объявлять о недачѣ пощады даже въ томъ случаѣ, когда объявляющій самъ не желаетъ пользоваться пощадой.

6. Всякое разрушеніе или захватъ непріятельской собственности, невызванные крайнею необходимостью.

7. Злоупотребленіе парламентскимъ и національными флагами, женевскимъ крестомъ и форменною одеждою непріятеля.

8. Осада и бомбардированіе открытыхъ и незащищаемыхъ военною силою городовъ и поселеній.*

Означенныя положенія Брюссельской декларацiи ясно говорятъ за то, что европейскія правительства стараются всѣми мѣрами очеловѣчить войну и избавить ее отъ тѣхъ звѣрствъ и произвола, которыми она сопровождалась въ древніе и отчасти средніе вѣка.

Говорить о войнѣ какъ о жестокомъ и безчеловѣчномъ явленіи нельзя еще потому, что война есть послѣднее и крайнее средство для возстановленія нарушеннаго права, и всякое государство прежде чѣмъ начать войну испытываетъ обыкновенно другіе, болѣе мирные и ненасильственные способы улаженія международныхъ столкновеній. Способы эти очень разнообразны, и примѣненіе одного изъ нихъ предпочтительно передъ другимъ

* Ст. 12—14 Брюссельской декларація и «Manuel de l'Institut», §§ 4, 8 и друг. Пуновскій: Законы и правила войны по международному праву. 1877, гл. II.

есть не дѣло одной только заинтересованной державы, но зависитъ также отъ степени культуры и цивилизаціи государствъ, равно и отъ духа самаго времени.

Въ настоящее время практикуются двоякаго рода средства, предшествующія войнѣ и могущія сдѣлать ее излишней: первыя средства совершенно миролюбивыя (полюбовныя) и вторыя менѣе миролюбивыя—фактическія. Къ первымъ относятся: *дипломатическія сношенія, дружескія услуги, посредничество* и *третейское разбирательство.* Ко вторымъ: *реторсія* или отплата равнымъ за равное, несправедливостью за несправедливость, согласно римскому правилу: quod quisque in alterum statuerit, ut ipse eodem jure utatur. Средство это примѣняется часто въ таможенномъ дѣлѣ. *Репрессаліи* или неисполненіе заключеннаго съ государствомъ обязательства, объявленіе его подданныхъ внѣ покровительства законовъ, и т. п. *Эмбарго* или арестъ, накладываемый на имущество, принадлежащее государству или его подданнымъ, въ случаѣ какой либо претензіи къ этому государству. Чаще всего арестъ накладывается на

купеческія суда, которыя, въ случаѣ окончательнаго отказа въ удовлетвореніи, конфискуются. И наконецъ *мирная блокада* или прекращеніе военной силой всякаго рода сношеній съ берегами и гаванями даннаго государства, съ которымъ блокирующая держава не находится въ войнѣ, но дѣйствуетъ такъ съ цѣлью вынудить отъ него требуемыя уступки.*

Таковы обыкновенно мѣры, принимаемыя европейскими государствами передъ началомъ войны, и только по истощеніи всѣхъ мирныхъ средствъ къ улаженію столкновенія, война является послѣднимъ, которой разрѣшается неприязнь въ нашемъ бѣдномъ и грѣховномъ мірѣ.

XIX

Порицателямъ войны, смотрящимъ на нее какъ на простое убійство, своевременно будетъ напомнить о помощи воинству Божіей Матери, въ заступничество которой Православная Церковь всегда вѣ-

* Ф. Мартенсъ: Современное Международное Право, т. II, стр. 438—459.

рила какъ въ непреложный догматъ, подтвержденный Ея многочисленными чудесами и засвидѣтельствованный на шестомъ вселенскомъ соборѣ.

Было бы недостойно съ нашей стороны пѣть въ одну дудку съ нашими либералами и нѣкоторыми нашими учеными, и стыдиться той благодати, которою, по милости Божіей, пользуются православный Востокъ и Россія съ самаго введенія христіанства. Если наши ученые не даютъ себѣ труда прослѣдить за исторіей развитія русскаго народа, если для нихъ русскія народныя лѣтописи, писанныя людьми благочестивыми, а слѣдовательно вполнѣ добросовѣстными, не заслуживаютъ вниманія, то это потому, что „книжная ученость“ еще съ земной жизни Спасителя всегда противилась дѣлу Божьему на землѣ и отвергала съ закрытыми глазами небесныя знаменія; за то русскій народъ въ своемъ подавляющемъ большинствѣ всегда твердо уповалъ во всѣхъ великихъ историческихъ событіяхъ на помощь Божію и на посредничество необоримой Заступницы рода христіанскаго, Пресвятой Богородицы.

Еще Константинъ Великій, избравъ Византію столицей имперіи, съ общаго согласія духов-

ныхъ и свѣтскихъ властей и народа, поручилъ свою новую столицу преславному покровительству Пресвятой Дѣвы Маріи. И упованіе православнаго міра на ея заступленіе вполнѣ оправдалось въ многочисленныхъ избавленіяхъ Константинополя отъ угрожавшей ему опасности быть взятымъ многочисленными варварскими полчищами, окружавшими восточную имперію.

Достаточно привести примѣръ спасенія Константинополя заступничествомъ Божіей Матери при нашествіи персидскаго царя Хозроя, въ царствованіе императора Ираклія (610—641 г.). Хозрой, взявъ Іерусалимъ, ограбилъ храмъ гроба Господня и захватилъ въ плѣнъ животворящее древо Креста Господня вмѣстѣ съ патріархомъ Захаріей. Та же участь ожидала и Константинополь. Но патріархъ Сергій обошелъ городскія стѣны съ ризою Богоматери при усердной молитвѣ всего народа и при пѣніи: „Воскреси Господь и расточатся врази Твои". И когда персы и скпоы подъ предводительствомъ Кагана обложили Константинополь—одинъ со стороны Европы, другой со стороны Азіи, въ это время произошла великая буря, потопившая флотъ Кагана,

который и бѣжалъ на маломъ числѣ уцѣлѣвшихъ судовъ, боясь попасть въ руки грековъ. Аварскій предводитель, стоявшій съ конницею на возвышенномъ холмѣ, былъ очевидцемъ ужасной гибели своего войска, почему билъ себя въ грудь и лицо. Греки, ободренные помощью Богоматери, растворивши ворота города и устремившись на варваровъ преслѣдовали ихъ до самаго лагеря. Благодарный народъ всю ночь неисходно пребывалъ въ храмѣ Богородицы, и заступленіе это торжественно увѣковѣчилъ извѣстною церковною пѣснью: „Взбранной Воеводѣ, Побѣдительная."

Такое же чудо спасенія города повторялось при императорѣ Львѣ Исаврянинѣ (717—741); видимою и всѣми сознаваемою помощью Богородицы было отражено нападеніе сарацынъ, обложившихъ городъ флотомъ, состоящимъ изъ 1800 судовъ при многочисленномъ войскѣ. При общей молитвѣ всѣхъ жителей столицы сдѣлалась буря, и флотъ почти весь былъ уничтоженъ.

Та же бѣдственная участь постигла и нашихъ соплеменниковъ Аскольда и Дира, которые, вооруживъ 200 судовъ, осадили Константинополь съ

моря. Императоръ Михаилъ III, находясь въ войнѣ съ агарянами, не могъ подать помощи осажденнымъ. По сказанію византійскихъ лѣтописцевъ, народъ, не видя своего спасенія, обратился съ молитвой къ Богоматери во Влахернскомъ соборѣ: патріархъ Фотій вынесъ ризу Богоматери на берегъ и погрузилъ ее въ тихое и спокойное море. Мгновенно сдѣлалась страшная буря, которая потопила непріятельскій флотъ, и только небольшая его часть возвратилась въ Кіевъ. Россійскіе язычники, какъ описываетъ лѣтописецъ Несторъ, пораженные этимъ небеснымъ явленіемъ, такъ какъ кромѣ бури падали съ неба и раскаленные камни, немедленно отправили въ Константинополь пословъ и просили Св. Крещенія. Грамата патріарха Фотія, писанная въ исходѣ 866 года къ восточнымъ епископамъ, служитъ подтвержденіемъ этого событія.*

Но самымъ неизгладимымъ чудомъ должно признать событіе случившееся въ правленіе Льва Философа (886—911). Въ это время въ предѣлы Восточной имперіи вторглись сарацыны. Тѣ изъ грековъ, которые твердо хранили въ памяти бла-

* Карамзинъ; Истор. Россійск. т. I, стр. 136—137.

говременную помощь отъ Богоматери — прибѣгли къ Ней, и на этотъ разъ съ молитвою и покаяніемъ. Небесная Владычица скоро услышала теплыя мольбы рабовъ своихъ, и торжественное знаменіе подкрѣпило упованіе на Ея непреложное заступленіе. Во Влахерискомъ соборѣ, во время всенощнаго бдѣнія, сама Богоматерь явилась на воздухѣ молящеюся о мірѣ христіанскомъ съ ликами ангеловъ, Предтечею, пророками и апостолами, осѣняя своимъ свѣтящимся омофоромъ предстоявшихъ въ храмѣ христіанъ. Явленіе это было открыто одному изъ праведниковъ, Андрею, Христа ради юродивому, который передалъ это ученику своему Епифанію, и увидѣвъ оба исполнились неописанной радости. Послѣ этого знаменія враги были побѣждены и разсѣяны. Церковь установила праздновать это явленіе Богоматери подъ названіемъ „Покрова Пресвятыя Богородицы“, 1-го октября.

Но не у однихъ грековъ, а и въ нашемъ православномъ Отечествѣ Владычица міра явила безчисленные знаки своего попеченія объ утвержденіи у насъ истинной вѣры, и Ея неоднократныя знаменія заступленія, въ годину постигавшихъ Россію

несчастій, стали вполнѣ достовѣрными историческими событіями.

Такъ *Псково-Печерская* и *Псково-Покровская* Успенскія иконы прославлены въ войнахъ съ королемъ польскимъ Баторіемъ, во время осады Пскова, въ 1581 году. Помощь, оказанная Божіей Матерью чрезъ свою чудотворную икону была явная и всенародная. Весь городъ единогласно сознавалъ, что онъ спасенъ Ею и св. угодниками, почивающими во Псковѣ. Достаточно сказать, что когда выставлена была икона Богоматери къ пролому, сдѣланному въ стѣнѣ, то Баторій не могъ войти въ него и долженъ былъ отступить. Во всѣхъ вылазкахъ отъ малочисленной псковской дружины онъ также потерпѣлъ страшное опустошеніе въ своихъ рядахъ, несмотря на многочисленность собраннаго имъ для осады Пскова войска.

Къ чести нашего знаменитаго историка Карамзина надо сказать, что онъ, описывая эту осаду, нисколько не уменьшаетъ значенія чудотворенія Божіей Матери, засвидѣтельствованнаго лѣтописцами, и не старается, подобно другимъ историкамъ, пропитаннымъ духомъ западнаго раціонализма, умень-

шать значеніе Божественной силы, когда Отечество наше испытывало бѣдствія отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ смутъ самозванщины. Въ этомъ случаѣ Карамзина можно назвать вполнѣ православнымъ историкомъ.

Икона *Владимірской Божіей Матери* находится въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, и ей приписываютъ освобожденіе Москвы отъ нашествія Тамерлана и отъ нашествія на Москву татаръ въ 1481 году. Иконѣ этой приписываютъ также освобожденіе Россіи отъ татарскаго ига при нашествіи Ахмета. Въ 1521 году Москвѣ угрожали крымскіе татары подъ предводительствомъ Махметъ Гирея, и снова Москва испытала на себѣ чудотворную силу отъ этого образа. Въ память этого событія учрежденъ въ Москвѣ 21 мая крестный ходъ.*

Исторической извѣстностью пользуется *Новгородская Знаменская Божія Матерь*, отъ св. иконы которой совершилось назидательное чудо освобожденія Новгорода не отъ какихъ либо иностранныхъ враговъ, а отъ своихъ русскихъ князей, отличавшихся въ то время междоусобными

* Изъ «Славы Пресвятыя Владычицы», изд. 1853 г.

войнами. Въ 1170 году осадили Новгородъ войска Боголюбскаго. Архіепископъ Илія, получившій откровеніе на помощь отъ чудотворной иконы въ церкви Спаса на Ильинской улицѣ, поставилъ икону на городской стѣнѣ, гдѣ происходилъ ожесточенный бой. Тучи непріятельскихъ стрѣлъ неслись на стѣну, и одна стрѣла вонзилась въ св. образъ. Архіепископъ Илія увидѣвъ, что слезы изъ очей Богоматери падаютъ на его фелонь въ умиленіи воскликнулъ: „о, Царица, Ты даешь намъ явное знаменіе, что молишъся предъ Сыномъ Твоимъ и Богомъ о избавленіи града". Въ это время въ войскѣ непріятеля по непонятнымъ причинамъ произошло замѣшательство и смятеніе, такъ что враги начали поражать другъ друга своимъ оружіемъ; новгородцы воспользовавшись этой минутой отворили ворота и ударили на непріятеля, который безпорядочно бѣжалъ, не думая уже о своей защитѣ. Праздникъ чудотворнаго образа Знаменія установленъ въ Новгородѣ въ 27 день ноября, и принятъ во всѣхъ русскихъ областяхъ.*

---

* «Слава Пресвятыя Владычицы», неизвѣстнаго автора.

Не меньшею историческою извѣстностью пользуется икона *Богоматери Смоленской.* Ее признают въ числѣ иконъ, писанныхъ Евангелистомъ Лукою. Въ 1239 году при нападеніи татаръ на Смоленскъ, икона эта ознаменовала себѣ чудомъ, отъ котораго городъ спасся отъ ихъ вторженія. Затѣмъ въ нашествіе Наполеона въ 1812 году, 5 августа, при оставленіи нашими войсками Смоленска, икона была взята фельдмаршаломъ Кутузовымъ, и во все время Бородинской битвы находилась при немъ, являя нашей арміи знаменія своего заступленія. Гордый Наполеонъ, пройдя всю Европу и нигдѣ не встрѣчая препятствія своему всемірному побѣдному шествію, въ первый разъ былъ остановленъ Божіею Матерью Смоленской у Бородина, генеральное сраженіе у котораго рѣшило навсегда его печальную участь. Онъ хотя и дошелъ до Москвы, но уже съ убитой духомъ и потрясенной арміей, съ которой и бѣжалъ потомъ со всѣми страшными слѣдами бѣгства...

Особенною историческою славою пользуется также икона *Ѳеодоровской Божіей Матери,* въ Костромѣ. Когда въ Россію вторнулись татары

и опустошили Галичъ, Вологду и Ярославль, то та же участь ожидала и Кострому, въ которую явились татарскіе послы и требовали отъ Князя Василія Георгіевича сдачи города, угрожая совершеннымъ истребленіемъ въ случаѣ, по ихъ словамъ, безполезнаго сопротивленія. Но Князь Василій Георгіевичъ, уповая на заступничество Божіей Матери, которая своими явленіями уже подала надежду на избавленіе, отвергъ предложеніе татарскихъ пословъ. Татары подступили къ городу и расположились на мысу, образуемомъ впаденіемъ рѣки Костромы въ Волгу. Узнавъ объ этомъ, Князь приказалъ воеводамъ устроить свое войско къ сраженію, а самъ отправился въ соборъ, и со слезами просилъ Спасителя и Его Пречистую Матерь явить свою помощь, и въ сопровожденіи Ѳеодоровской чудотворной иконы Князь и священники обошли войска съ пѣніемъ и моленіемъ. Когда войско и татары сошлись, и послѣдніе обнажили мечи и натянули луки, тогда внезапно отъ чудотворной иконы возсіяли столь яркіе лучи, несравненно сильнѣе солнечныхъ, что татары не могли смотрѣть на выступавшее противъ нихъ войско Князя, лучи эти устремились

на татаръ и пожигали ихъ. Это всенародное чудо рѣшило судьбу битвы; татары смѣшались, не выдержали пламени и озаренія сихъ божественныхъ лучей, и не узнавая другъ друга, и взаимно поражая, бросились бѣжать. Русскія войска ободренныя паникой и замѣшательствомъ своихъ противниковъ, бросились на нихъ и поражали бѣгущихъ. Послѣ побѣды войска, предшествуемыя иконою Божіей Матери, съ великою радостью возвратились въ городъ, и встрѣчены были всѣмъ духовенствомъ и всѣми гражданами, приносившими со слезами благодареніе Царицѣ небесной за столь явное всенародное спасеніе.*

Таково отношеніе къ воинству самого неба и таковы факты исторіи обыкновенно отрицаемые невѣріемъ, въ которомъ сталъ ощущаться общественный интересъ, для прикрытія интересовъ сердца, несогласныхъ съ вѣрою. Въ этомъ истинный корень

---

* Ibidem. Въ акаѳистахъ Пресвятой Богородицѣ Божія Матерь величается: путеводительницею воинства, помощницей воинства, православному воинству на враги укрѣпленіе, врагамъ устрашеніе, отъ нашествія иноплеменныхъ избавленіе, воиновъ крѣпосте и въ дни брани забрало и огражденіе. (Акаѳ. Каз. Бож. Мат. Икосы 5 и 10).

зла. Не разумъ противникъ вѣры, а развратившееся сердце, которое по причинѣ *отолстѣнія* (Матѳ. XIII, 15) стало полно пристрастій къ земнымъ вещамъ и которое какъ тяжелая гиря влечетъ и приковываетъ къ землѣ душу съ ея умомъ. Вращаясь въ кругу низкихъ предметовъ, сердце само становится низкомыслящимъ и не можетъ воспарить горѣ, какъ обремененная пищею птица. Такое оботѣвшее сердце не видитъ горняго, почему и весь складъ его противенъ ему. Страна духовная—совсѣмъ безвѣстная для него страна, ибо въ суммѣ своихъ понятій и опытовъ такое сердце не имѣетъ ничего, къ чему бы могло примѣнить таковшнее, чтобы узрѣть его хотя бы зерцаломъ въ гаданіи... Такой человѣкъ ни самъ разсуждать о томъ не берется, ни другихъ разсуждающихъ не имѣетъ охоты слушать и книгъ, въ которыхъ пишется о томъ, въ руки не возьметъ.*

Но пусть невѣры идутъ себѣ своею дорогою, а вѣрующіе своею, такъ заповѣдалъ и Господь миновавшій весь, его непріявшую (Лук. IX, 55—56).

---

* Епископъ Ѳеофанъ: Мысли на каждый день года. Москва, 1881 года.

Есть Богъ, который въ свое время всѣхъ разберетъ. Нынѣ же врагъ наводитъ на людей мракъ и всѣмъ думается, что то только и свѣтло, когда въ ученіяхъ держатся подальше отъ ученія Господа и отъ Его непрестанныхъ милостей и чудесъ особенно обильно изливаемыхъ Имъ на нашу Святую Русскую Землю.

XX

Современные мудрецы, возражая противъ войны, обыкновенно требуютъ отъ своихъ противниковъ положительныхъ цитатъ изъ св. Писанія, которыми бы оправдывалась война; хотя ранѣе, какъ видѣлъ читатель, цитаты эти и приводились нами, но мы опять повторимъ, что спрашивающіе такъ не понимаютъ, что спрашиваютъ, потому что не понимаютъ сущности христіанства и его сокровенной внутренней силы, которое, не занимаясь регламентированіемъ вопросовъ земныхъ, простираетъ свое законодательство лишь къ области непреходящихъ и неменяющихся явленій человѣческаго

духа. Этимъ объясняется отрицательное отношеніе Господа къ двумъ братьямъ, обратившимся къ Нему раздѣлить свое наслѣдство (Лук. XII, 13—14). Этимъ объясняется терпимость христіанства къ такому очевидно несправедливому общественному злу, каково исчезнувшее подъ его благодатнымъ воздѣйствіемъ рабство. И если ранѣе, говоритъ свящ. Свѣтловъ, не видѣли противорѣчія нравственной сущности христіанства въ его терпимости къ рабству, гдѣ оно требовало даже отъ рабовъ повиновенія своимъ господамъ (Еф. VI, 5—7), то основательно ли кричать о какихъ-то противорѣчіяхъ въ томъ случаѣ, когда оно позволяетъ войну (конечно, справедливую), которая есть актъ справедливости при настоящихъ международныхъ отношеніяхъ? Еслибы нашлись смѣльчаки, которые стали бы утверждать, что христіанство противорѣчило себѣ допуская рабство, то вѣдь тогда пришлось бы обвинять въ этомъ самихъ апостоловъ, что значило бы выдумывать вмѣсто христіанства истиннаго свое собственное. Но христіанство во всѣхъ случаяхъ остается вѣрно своему началу невмѣшательства въ область земныхъ политическихъ отношеній,

и требованіе отъ него положительнаго закона о войнѣ доказываетъ только непониманіе его истинной сущности.*

Но мы и въ этомъ отношеніи удовлетворили читателя, приведя изъ посланія апостола Павла къ Римлянамъ XIII главу, третій и четвертый стихи, гдѣ словами апостола прямо освящается мечъ, какъ отмщеніе въ наказаніе дѣлающимъ злое. Это важнѣйшее мѣсто священнаго Писанія, имѣющее столь положительное значеніе въ разсматриваемомъ нами вопросѣ, обыкновенно замалчивается противниками войны, которые все еще чаютъ разрѣшать вопросы междоусобія народовъ при помощи науки международнаго права. Но и въ этомъ отношеніи пессимизмъ адвокатовъ войны имѣетъ за себя такой для всѣхъ очевидный примѣръ какъ Болгарія, гдѣ насиліе и анархія стали возможны въ этой несчастной странѣ на глазахъ всей Европы и вопреки институту международнаго права. Это прискорбное явленіе есть самая печальная страница современной международной исторіи Стала она возможной

* Священникъ Свѣтловъ: Прав. Обозр. Окт. 1890 года, стр. 244—245.

лишь вслѣдствіе того, что нѣкоторыя державы, пошедшія на сдѣлку со своею совѣстью, оказали незаконному правительству Болгаріи свою поддержку, въ прямое нарушеніе духа и буквы международныхъ обязательствъ, что и дало болгарскимъ заправиламъ право бравировать волю державъ, нежелающихъ нарушить изъ-за нихъ миръ Европы.

Это вамъ живой образчикъ „свободы человѣка" въ юридическомъ смыслѣ, жизнь подъ сѣнію международныхъ европейскихъ законовъ, и юстиція для всѣхъ равная и ото всѣхъ заслуживающая довѣрія!!!...

XXI

Казалось бы, что съ развитіемъ цивилизаціи, съ расширеніемъ образованія, промышленности, телеграфовъ, телефоновъ и путей сообщенія, способствующихъ быстрому сношенію людей другъ съ другомъ, войны должны бы уменьшаться и становиться все рѣже, а между тѣмъ мы видимъ противное, видимъ усиленное вооруженіе всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, превратившихъ европейскія госу-

дарства въ укрѣпленные лагери, ложащіеся тягчайшимъ ярмомъ на всѣхъ и каждаго. Если прежде воевали арміи, то теперь стали воевать народы, и приближающееся XX столѣтіе обѣщаетъ сдѣлаться эрой всевозможныхъ конфликтовъ, которые разрѣшатся въ какихъ либо долинахъ Европы и Азіи. Борьба между народами—экономическая и военная теперь не уменьшилась, а стала сильнѣе чѣмъ когда либо; XIX столѣтіе видѣло величайшія войны новѣйшихъ временъ, XX столѣтіе быть можетъ увидитъ войны еще болѣе ужасныя, войны, которыхъ конецъ—истребленіе многихъ людей, и будущій міровой переворотъ съ окончательнымъ измѣненіемъ карты Европы.* Означенныя войны—суть казни Божіи, которыми будетъ пораженъ грѣшный міръ за свои беззаконія, которыя апостолъ Павелъ называлъ *отступленіемъ* (2 Сол. II, 3).

Такъ предвѣщалъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ: *возстанетъ языкъ на языкъ и царство на царство: и будутъ глади и пагубы,*

* Въ современномъ политическомъ положеніи Европы нашъ богословъ и философъ В. С. Соловьевъ напротивъ видитъ прочную гарантію мира. «Смыслъ войны». Ежемѣсячное литер. приложеніе къ Нивѣ 1895, № 7.

и труси по мѣстомъ (Мато. XXIV, 7), *страхованія же и знаменія велія съ небесе будутъ* (Лук. XXI, 11), *и будутъ знаменія въ солнцѣ и лунѣ и звѣздахъ: и на землѣ туга языковъ отъ нечаянія, шума морскаго и возмущенія* (тамъ же, ст. 25). Слова эти можно принять за руководство къ уразумѣнію пророчества. Они сокращенно содержатъ въ себѣ то, что изображается въ Апокалипсисѣ въ разныхъ образахъ. По словамъ Господа, возстанетъ народъ на народъ и царство на царство, то-есть начнутся истребительныя, кровопролитныя войны, отъ которыхъ разрушатся и предадутся огню города и селенія, опустошатся засѣянныя поля...

Таково будетъ начало казней Божіихъ надъ нечестивымъ міромъ, которыя все будутъ увеличиваться по мѣрѣ огрубенія людей въ порокахъ, и оскудѣнія между ними любви.

Слѣдовательно, будущее, по пророчеству Апокалипсиса, не предвѣщаетъ намъ лучшихъ временъ, въ смыслѣ уменьшенія войнъ и всякаго рода несчастій...

XXII

Въ заключеніе еще разъ напомнимъ читателю, что всѣ несчастія жизни, а въ томъ числѣ и война, имѣютъ свое начало въ грѣхопаденіи человѣка. Первоначально, до паденія человѣка, все было прекрасно. все совершенно и безвредно; но когда человѣкъ уклонился отъ Бога, тогда вся природа потеряла въ немъ часть прежняго своего совершенства, и тогда произошло въ мірѣ зло, отъ котораго бѣдствія и злополучія стали преслѣдовать человѣка на всѣхъ путяхъ его жизни (Быт. III, 14—24).

Но всеблагій Богъ, въ самыхъ наказаніяхъ своихъ, будучи благъ и милосердъ, самыя бѣдствія войны употребляетъ для нашего вразумленія и исправленія, обращая ихъ для насъ въ училище мудрости и добродѣтели на пути къ личному и государственному совершенству. Такой взглядъ на несчастія жизни представляется господствующимъ въ св. Писаніи (см. наприм. Втор. гл. XXVIII и XXX. Дан. IX, 7—14; Неем IX, 33—34; Псал. CXVIII,

67, 71, 75; Лук. XIII, 1—5; Евр. XII, 1—12). Это мы видимъ и на опытѣ жизни. Война, потрясая государство, производитъ во всѣхъ слояхъ общества сильный подъемъ народнаго духа, отъ котораго какъ шелуха отпадаютъ всѣ будничные раздоры и несогласія между людьми; она соединяетъ общество во единое цѣлое, когда оно дружно, забывъ всѣ несогласія и расчеты, встрѣчаетъ надвигающуюся грозу; она подымаетъ въ насъ всѣ лучшія стороны нашей природы, отъ чувствъ высокой благотворительности на помощь страждущимъ до самоотверженнаго рѣшенія *положить свою жизнь за други своя;* она часто и глубоко исправляетъ отдѣльныхъ людей. Война родитъ кромѣ того полководцевъ, героевъ, народныхъ поэтовъ, высокихъ подвижниковъ и молитвенниковъ „о мирѣ всего міра". Всѣ слабыя стороны государственнаго организма во время войны выступаютъ особенно рельефно, открываются раны и недуги различныхъ государственныхъ учрежденій, о которыхъ мы не подразумѣвали въ мирное время. Способность къ быстрому мобилизированію, достоинство и правоспособность частныхъ центральныхъ учрежденій, исправное со-

стояніе путей сообщенія, народнаго продовольствія, состояніе финансовой силы государства, достоинство вооруженія, отношеніе нашихъ друзей, все коварство въ бѣдственную годину иностранной политики, прочность союзовъ, всѣ промахи и ошибки за время мирной жизни государства особенно рельефно выступаютъ во время войны.

Изъ такого понятія о несчастіи войны видно, какъ мы должны вести себя по отношенію къ ней. Мы не должны во время войны предаваться унынію, терять присутствіе духа, и ослабѣвать въ ревностномъ прохожденіи своихъ обязанностей, роптать на Провидѣніе и прибѣгать къ какимъ либо недостойнымъ средствамъ для облегченія судьбы своей; а должны, обращаясь сердцемъ своимъ къ Богу, съ любовію и благодарностью принимать отъ Него несчастія войны, какъ знакъ отеческаго Его промышленія о насъ (Іов. I, 21); должны ободрять и успокаивать себя тою мыслію, что несчастія неизбѣжны для насъ въ этомъ мірѣ, *который весъ во злѣ лежитъ* (1 Іоан. V, 19), что они необходимы для насъ въ этой жизни (Дѣян. XIV, 22; 2 Тим. III, 12), что даже самые лучшіе изъ

людей, которыхъ весь міръ не стоилъ, были въ этой жизни самыми несчастнѣйшими (Евр. XI, 38), и что Господь по благости Своей *не дастъ намъ искуситеся паче, нежели понести можемъ* (1 Кор. X, 13), причемъ, перенося страданіе со всѣмъ благодушіемъ, должны обращать ихъ въ урокъ для своего вразумленія и исправленія, *дабы пріобщаясь страстямъ Его, возрадоватъся нѣкогда и въ явленіе славы Его* (1 Петр. IV, 13).

Такова духовная и воспитательная цѣль всѣхъ несчастій въ жизни, а въ томъ числѣ и войны.

2007111423